За нашу Советскую Родину!

Г. С. АКСЕЛЬРОД

ПЛАТА ЗА СТРАХ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1965

32С9
А42

Эта брошюра о том, как был разоблачен и обезврежен агент одной из иностранных разведок; о темной и полной страха жизни другого человека, который в годы Великой Отечественной войны изменил Родине и стал сотрудником фашистской разведки; о том, как в некоторых случаях церковники-сектанты под прикрытием религиозной деятельности вершат свои черные дела.

Из брошюры читатель узнает о благородном, героическом труде чекистов, которые, опираясь на широкую помощь советских людей, ведут самоотверженную борьбу с врагами нашей Родины.

☆

ОБОРОТЕНЬ

1

— Суд удаляется для вынесения приговора.

Председательствующий полковник юстиции Макеев поднялся, собрав со стола пухлые тома дела. И сразу предгрозовую, будто насыщенную скрытыми электрическими зарядами, тишину расколола команда секретаря военного трибунала:

— Прошу встать!

Мое место в глубине зала, у окна.

Все эти дни, пока длился процесс, сквозь неплотно притворенные створки проникал разноголосый шум большого города. С утра, когда начиналось судебное заседание, натруженно гудели моторами самосвалы и стекла сердито отвечали им шмелиным звоном. Вдали оживала стрела башенного крана над недостроенным домом, и вот уже, расчерчивая ясную, словно умытую коротким майским ливнем, синеву неба, медленно плыла серая громада железобетонной плиты.

Ближе к полудню под окном раздавался торопливый перестук каблучков и веселый ребячий говор. Потом уличный шум смолкал, и тогда слышно было, как ветер тревожит листву старых тополей...

Там, за окном, шла обычная жизнь. С буднями и праздниками, со своим размеренным трудовым ритмом, с радостями, заботами, мечтами. И отзвуки этой жизни, даже случайные и разрозненные, заставляли особенно четко понять то, что происходило в этом маленьком зале, погруженном в полумрак от близко подступавших к окнам тополевых ветвей.

Здесь судили шпиона.

Случилось так, что в первый же день судебного заседания пришло известие о расстреле Пеньковского. Изменник Родины, продавшийся англо-американской разведке, не ушел от возмездия. Чекисты с корнем вырвали гнусный сорняк, и господам из Центрального разведывательного управления и Интеллидженс сервис пришлось скрепя сердце вычеркивать из секретных списков агента, по кличке Янг и Алекс.

Он мертв... Он напрасно надеялся на помилование. Нет и не будет таким пощады!

Но какую пышную тризну закатила по Янгу пресса в некоторых западных странах! Проливая крокодиловы слезы, она больше всего «сокрушалась» по поводу того, что в Советском Союзе теперь якобы начнется шпиономания.

Достойную отповедь зачинщикам этой провокационной кампании дал Главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции А. Г. Горный. Он заявил, что «процесс над Пеньковским и Винном напоминает всем советским людям о необходимости высоко держать революционную бдительность, быть непримиримыми к ротозейству, болтливости, беспечности, в обстановке которых могут творить свою черную работу шпионы иностранных разведок... Советские люди не склонны видеть в каждом иностранце шпиона. Они гостеприимно открывают свои двери всем, кто приезжает в нашу страну с добрыми намерениями. Мы против шпиономании, против ненужной подозрительности, которая лишь вносит нервозность и на деле вредит борьбе с действительными врагами социалистического государства. Но мы за революционную бдительность, которая должна быть нормой поведения каждого советского человека».

Что можно добавить к этому предельно точному заявлению? Пожалуй, только одно: не для того ли кое-кому на Западе понадобился дешевый пропагандистский трюк со шпиономанией, чтобы хоть как-нибудь с помощью газетного камуфляжа затушевать истинные цели империалистических разведок в их подрывной работе против Советского государства.

В тайной войне, которую ведут эти разведки против социалистического лагеря, и прежде всего против Советского Союза, они не брезгуют ничем. В недоброй памяти времена Гитлера в огромном здании центрального

управления «абвера», на берлинской набережной Тирпица 74/77, родилась зловещая концепция тотального шпионажа. Вместе с недобитой гитлеровской агентурой эту концепцию взяли на свое вооружение секретные разведывательные службы США, Англии и некоторых других стран блока НАТО. Поэтому они, осуществляя тотальный шпионаж, охотно шли на преступную связь и с таким матерым предателем, как Пеньковский, имевшим доступ в силу своего служебного положения к определенным важным сведениям, и с такой мелкой сошкой, как Пападопулос, жителем казахстанского города Кентау, который успел сделать лишь первые шаги по черной тропе.

Георгий Пападопулос...

Вот он, подчиняясь команде секретаря военного трибунала, с нарочитой ленцой встает со скамьи подсудимых.

Мне хорошо видна его грузная, чуть оплывшая фигура. У него сытое лицо с едва наметившимся вторым подбородком и колючими нагловатыми глазами. Копна угольных волос небрежно спадает на сильные, литые плечи.

Он родился и вырос на советской земле, хотя и носит в бумажнике не так давно приобретенный паспорт другого государства. Мы с ним почти ровесники и, наверное, в одно и то же время переступили порог школы. Но, кажется, никогда раньше, как в эти минуты, я так остро, с такой удивительной отчетливостью не чувствовал, что там, впереди, стоит чужой человек.

— Прошу садиться...

Секретарь трибунала, которому много пришлось поработать в эти дни, первым устало опустился на стул. В зале снова повисла чуткая тишина. Потянулись томительные часы ожидания приговора.

Пытаюсь разобраться: почему же Пападопулос производит столь глубокое впечатление чужого человека? Потому, что иностранный подданный?

По долгу журналиста мне приходилось встречаться со многими иностранцами. Среди них были самые различные люди. Одни с искренним восторгом отзывались о жизни в Советском Союзе. Другие усердно отыскивали мусор в углах нашего дома. А третьи честно старались

понять советских людей, не скрывая при этом, что они — отнюдь не друзья нашего строя.

Конечно, это были посланцы иного мира. Они приезжали к нам, обремененные грузом самых невероятных представлений о Советской стране, и нередко в беседах задавали вопросы, которые, по крайней мере, звучали наивно. Так, один дотошный журналист из ФРГ, посетив совхоз на кустанайской целине, все время интересовался: где здесь колючая проволока (?!). Оказывается, он был убежден, что на целину людей переселяют из городов... в принудительном порядке.

Не знаю, о чем писал потом в своей газете этот журналист, который, кстати говоря, признался, что он бывший офицер бронетанковой армии Гудериана. Во всяком случае, от него и не приходилось ожидать объективности. Ведь он открыто говорил, что ему не по душе все, что происходит в Советском Союзе.

Это был явный и непримиримый враг.

А Пападопулос?

Он жил среди советских людей и пользовался наравне с нами всеми благами, которые дает социалистическое государство. Его учили, помогли стать на ноги, приобрести профессию. Он занимал хорошую квартиру, его отец и старший брат получают пенсию. Жена брата, тяжело заболев, лечилась в лучших клиниках Москвы и поправляла здоровье на курортах Крыма. И никто не требовал с нее денег за лечение, никто не спрашивал, есть ли у нее советский паспорт.

Что же заставило Пападопулоса такой черной неблагодарностью отплатить стране, которая была его родиной?

Снова вглядываюсь в плечистую, с мускулистыми руками фигуру Пападопулоса и невольно ловлю себя на мысли, что, должно быть, вот такой же молодчик смертельно ранил в Салониках Григориоса Ламбракиса или стоял с автоматом у дверей тюремного застенка, где долгие годы томился Манолис Глезос.

...Наконец опять раздается команда:

— Встать!

Стоя слушаем приговор.

— Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Пападопулос как-то сразу сник и словно стал меньше ростом. Он украдкой растерянно оглядывается по сторонам, будто ищет тех, кто толкнул его на шпионаж, подстрекал на антисоветские выходки, кто в награду обещал ему «райскую жизнь» там, за рубежом, куда он стремился всей своей грязной и жадной душонкой. Где они?

Они теперь далеко.

Жаль, конечно, что они не рядом с ним, здесь, на скамье подсудимых...

В глубокой тишине зала звучит ровный голос председателя военного трибунала. В лаконичных, но жестких словах приговора — вся картина тяжкого преступления Георгия Пападопулоса, человека чужого мира.

2

Когда Елизавета В., работница одного из московских заводов, приехала с дочерью на Курский вокзал, до отхода скорого поезда «Москва — Новороссийск» оставались считанные минуты.

— Сиди смирно, Наташенька, — сказала она девочке, пристраивая ее у окна. — Я сейчас... Хлеба куплю.

Соседом по купе оказался молодой черноволосый мужчина, увешанный фотоаппаратами. Он дружелюбно, с улыбкой поглядывал, как суетилась, усаживая дочку, Елизавета. Но она так и не успела сойти с подножки вагона. Поезд тронулся.

— Не огорчайтесь, — сказал сосед. — У меня хватит хлеба на троих.

Дорожные знакомства завязываются с молниеносной быстротой, и еще мелькали за окнами вагона зеленые подмосковные рощи, а словоохотливая Елизавета уже успела рассказать о себе почти все. Что она коренная москвичка, а муж служит в Арктике, что в завкоме неожиданно предложили путевку в Геленджик и она решила взять с собой Наташу. Пусть увидит Черное море. Только вот не знает, удастся ли пристроить девочку. Ведь в дом отдыха с детьми не принимают.

И очень обрадовалась Елизавета, когда сосед предложил свою помощь.

— Я тоже еду в Геленджик. Бывал там не раз. Найдем кого-нибудь...

Но в общем-то о себе говорил он мало. Сказал лишь, что зовут его Юрием, хотя по паспорту он Георгий. Но так уж повелось с детства: Юра да Юра... А фамилия — Пападопулос.

Елизавета догадалась, что их попутчик по национальности грек. В памяти выплыла незатейливая детская скороговорка про грека, который ехал через реку, и на сердце у нее вдруг стало легко, весело. Будущее рисовалось в радужном свете. Целый месяц на солнечном Черноморском побережье, в чемодане — свежие наряды, а тут еще приятное знакомство с интересным молодым человеком, таким внимательным и вежливым.

И будто хмель внезапно ударил в голову: разом вспомнились откровенные рассказы одной из подруг о бесшабашном «курортном счастье». Неужели и ей придется испытать все это? А как же муж? «Но, — решила про себя Елизавета, — я, конечно, буду строга».

И вздохнула. Годы-то бегут... Вот и морщинки легли под глазами. В косметический кабинет приходится заходить частенько. Однажды из-за этого даже на завод опоздала. Эх ты, бабья доля, короткий век!..

Пападопулос сдержал свое слово.

Из Новороссийска они вместе поехали в Геленджик, и уже к вечеру девочка была устроена на квартире пожилой женщины — уборщицы дома отдыха.

Теперь Пападопулос каждое утро приходил к Елизавете. И всегда приносил то букетик цветов, то коробку конфет, то ароматные груши, похожие на пузатенькие бутылочки, наполненные до краев сладким соком.

Они шли к морю, купались, загорали на пляже, а вечерами подолгу бродили под темными кипарисами. Осторожно придерживая Елизавету за талию, он говорил:

— Хотите, Лиза, я покажу вам весь Кавказ?

— О, пожалуйста! — отвечала она, млея от восторга, и зябко прижималась к его плечу.

— Вот и чудесно. Знаете, давайте и Наташу прихватим. Хорошо?

Начались совместные поездки. На такси, в автобусах и электричках они объехали почти все побережье. Посторонним, вероятно, казалось, что это весело и беззаботно проводит свой отпуск под ласковым южным солнцем счастливая семейная пара.

И везде, где бы они ни были, Пападопулос неутомимо щелкал затворами фотоаппаратов. Страсть к фотографированию у него была просто неимоверная. Елизавета с дочкой позировали ему и на берегу, и вблизи каких-то заборов, и на запруженных людьми портовых улицах. В поисках сочного фона, как говорил Пападопулос, они нередко, продираясь сквозь кусты, взбирались на прибрежные скалы.

Девочка порой капризничала:

— Мама, тяжело... Я устала...

Тогда Пападопулос подхватывал ее на руки и уговаривал:

— Ну, еще немножко... Видишь? Как тут красиво! Вот я сейчас сфотографирую тебя с мамой. Потом карточки пришлю. На память от дяди Юры.

Месяц пролетел как один день.

В Москву они возвращались тоже вместе. Правда, в Новороссийске не удалось сразу достать билеты на поезд, и Пападопулос отправился искать дальнего родственника, чтобы переночевать у него.

В сумерках они пришли к уютному домику с верандой, увитой диким виноградом. Родственник — рослый, скупой на слова мужчина в тельняшке — встретил их без особой радости. Сидя за бутылкой вина, Пападопулос тщетно пытался втянуть его в разговор.

Елизавета, находившись за день, дремала, покачивая на коленях уснувшую девочку. Сквозь дрему до нее доносился бархатистый голос Пападопулоса. Он рассказывал о Кентау, называл какие-то фамилии, о чем-то спрашивал...

Утром после довольно скудного завтрака они собрались на вокзал. Пападопулос, сходя с веранды, вдруг воскликнул:

— Ах, какая прелесть!..

Отсюда, со взгорья, открывался вид на акваторию порта. Весь он — с кораблями у причалов, с ажурными стрелами кранов, с длинными, приземистыми пакгаузами — лежал внизу как на ладони.

Обернувшись к хозяину, Пападопулос спросил:

— Ты не возражаешь, если я сделаю пару снимков? Надеюсь, это не запрещено?

Хозяин посмотрел на порт. Ему все здесь было давно знакомо. И причалы с кораблями, и краны, и блеск

гребнистых волн, и даже антенны радарных установок, которые медленно вращались на дальнем мысу. Он помялся и нерешительно сказал:

— Да вроде бы нельзя.

Но Пападопулос, не слушая, уже щелкал фотоаппаратом.

Обратный путь был не таким веселым, как совместная дорога месяц назад. Словно льдинка проскользнула между Пападопулосом и Елизаветой. Чем ближе подходил поезд к Москве, тем все чаще он задумывался, угрюмо отвернувшись к окну.

Елизавета ревниво допытывалась: что с ним случилось?

Пападопулос объяснил:

— Понимаешь, Лиза, остановиться мне негде в Москве. А ты, не знаю, примешь ли? И потом вот еще... Поистратился я... В кармане — ни рубля! Может, выручишь?

Слегка ошарашенная, Елизавета отвечала, что день-другой можно погостить у нее, хотя это, конечно, и не совсем удобно. А что касается денег, то откуда им быть? Ведь она после отпуска...

Ночью у себя дома Елизавета долго лежала без сна. За окном под сентябрьским ветром плясал уличный фонарь, и его неяркие лучи, будто крадучись, ползали по полу, выхватывая из темноты то этажерку с тощей стопкой книг и мерцающими флакончиками из-под духов, то стул с пиджаком Пападопулоса.

Смутное беспокойство все сильнее кололо сердце. Трезвея, она наконец задумалась: кто же этот человек? Кого она привела? Что будет дальше? Догадки, порой самые невероятные, кидали и в жар и в холод.

И она решила сразу выяснить все.

Тихо спустившись с кровати, Елизавета, замирая от страха, подобралась к стулу. Рука скользнула во внутренний карман пиджака.

При свете уличного фонаря она заглянула в бумажник. Тут были записи каких-то телефонов, фотокарточки женщин, адреса. Отдельно лежал документ, похожий на паспорт: «Вид на жительство». Так она узнала, что Пападопулос — иностранный подданный.

Но не это открытие больше всего поразило Елизавету и расстроило до слез. В одном из карманчиков бумажника она нащупала крупную пачку денег.

Вот тебе и друг сердечный! А говорил, что все потратил, просил взаймы...

Едва дождавшись, когда Пападопулос проснется, Елизавета пылко высказала ему все, что о нем думала. И с удивлением заметила: в его сверкнувших глазах на секунду, на какое-то мгновение отразился явный испуг. Потом он, видно, успокоился и сказал, пытаясь обнять ее за плечи:

— Ну что ты, детка. Ведь это я насчет денег просто так. Хотел проверить — любишь или нет.

И стал торопливо объяснять, что Елизавете не следует тревожиться. Да, он — иностранец. Но всю свою жизнь прожил в Советском Союзе. У него скромная и вполне мирная профессия фотографа. Так что он не какой-то там проходимец. Даже смешно!.. И если Елизавета еще сомневается, то она может его проводить и лично убедиться, что он вхож в весьма солидные учреждения.

Вместе они поехали в центр города. На улице Станиславского Пападопулос распрощался.

— Не забывай, Лиза. Как-нибудь загляну.

Помахивая чемоданчиком, он вошел в особняк, перед которым неторопливо прохаживался милиционер. В руках у Пападопулоса кроме чемодана была ещ[illegible] круглой жестяной коробкой. Елизавета пом[illegible] этой коробке он хранил кассеты с зас[illegible] пленками.

[illegible]

комый, где она в это время стояла с дочкой и куда был направлен объектив его фотоаппарата «Киев». Точно с этой точки, фотоаппаратом той же марки следователь, словно дублируя Пападопулоса, производил съемки.

В Москве, когда были подписаны протоколы допроса, Елизавета вдруг уронила голову на стол и разрыдалась. Горечь, обида, стыд, тревоги и волнения последних дней — все это прорвалось потоком слез.

Подняв мокрое лицо, как-то сразу поблекшее, с разводами губной помады на щеках, она несмело спросила:

— Скажите, если можно... Зачем он меня-то с Наташкой впутал в свои дела?

Следователь был уже немолодым человеком и видел в жизни немало. Но ему, наверное, стало немного жаль эту легкомысленную женщину, которую дома ждал муж, срочно прилетевший из Арктики.

Следователь мог бы сказать, что Пападопулос хитро использовал Елизавету с дочкой для отвода глаз как удобную ширму для прикрытия подлинных целей своей поездки на побережье. А цели эти не оставляли места для сомнений. В столе у него лежало заключение экспертов о результатах следствия. Познакомившись с [illegible]ами, они пришли к выводу, что на некото[illegible]х запечатлены объекты, сведения о кото[illegible]ют военную тайну СССР.

[illegible]ассказать и о том, что случайные связи с [illegible] ловко обх[illegible]у-

4

Из протокола судебного заседания.

Председательствующий: Подсудимый Пападопулос. Кому вы передали фотопленки, заснятые на Черноморском побережье?

Пападопулос: Я передал их второму секретарю греческого посольства в Москве господину Моливиатису.

Председательствующий: Вы получали за свою шпионскую работу вознаграждения?

Пападопулос: Нет, нет...

Председательствующий: Откуда же у вас оказалась крупная сумма денег, которую видела свидетельница В.?

Пападопулос: Эти деньги я получил еще раньше в посольстве.

Председательствующий: Значит ли это, что именно часть этих денег вы использовали для поездки на Черное море?

Пападопулос: Да.

5

Среди облитых зноем пологих песчаных холмов внезапно, как мираж в пустыне, встает яркая зелень садов. Над садами горделиво поднялись пирамидальные тополя. А над тополями высятся новые многоэтажные дома, и солнце льет свет в окна верхних квартир, затянутые разноцветными шторами. Издали дома похожи на корабли, украшенные праздничными флагами.

Это — Кентау, один из молодых городов Казахстана. Он построен для горняков, добывающих свинцовую руду на руднике Миргалимсай. Но здесь живут и машиностроители, и просто строители, руками которых возведено все — от здания широкоэкранного кинотеатра и Дворца культуры до просторных цехов экскаваторного завода.

Город небольшой, и все тут знают друг друга если не по имени, то в лицо обязательно. Живут здесь казахи, русские, грузины, украинцы, греки...

Греков особенно много. И вечерами, когда спадает жара и в палисадниках оглушающе пахнут душистые табаки, никого не удивляет переливчатая мелодия «бузуки» — певучего народного инструмента, принесенного с древней земли Эллады.

Жители Кентау — большие патриоты своего города. Они гордятся тем, что на руднике действует самое совершенное самоходное подземное оборудование, с помощью которого был установлен всесоюзный рекорд проходки горных выработок, и что путь к этому рекорду проложил вместе со своими товарищами знатный горняк Иван Анастасиади. Весь город праздновал, когда из ворот завода вышел кентауский экскаватор новой марки, и все были ужасно огорчены, все пережили минуты тяжкого разочарования, когда в ворота местной команды «Горняк», которые защищал сам Алексей Самония, влетел роковой мяч и победа в ответственном матче снова досталась их неизменным соперникам — футболистам чимкентского «Металлурга».

Но, пожалуй, самая большая гордость жителей Кентау — это то, что они первыми в республике начали борьбу за право называться городом коммунистического труда и быта. Можно много интересного рассказать о том, как это движение раскрывало сердца, как забили драгоценные родники народной инициативы и в жизнь властно вошла чудесная новь, и еще крепче, теснее стала дружба многонациональных рабочих коллективов Кентау.

Но не об этом сейчас речь...

Они, люди труда, зачинатели большого, доброго дела свято берегут честь своего города. И вот почему так забурлил, зашумел весь Кентау, когда местная газета напечатала фельетон о тунеядце. Статью горячо обсуждали на строительных лесах, в горняцкой нарядной, в заводских цехах и просто на базаре, где в холодке под развесистым карагачом собираются по утрам седобородые старики.

— Это какой же Пападопулос? — спрашивал смуглый сморщенный дед, разменявший девятый десяток.

— Да Георгий, сын Димитрия.

— Вот позор на старую голову!

— Позвольте... А разве он не работает? Он же фотограф в горпромкомбинате.

— Ну какой там фотограф... Так, одна видимость.

— А я вам скажу: напрасно на парня наговаривают. Очень он деликатный... Бог ему судья.

— Слыхали? Деликатный! А вы знаете — он подрался с Гурзулиди!

— Это какой же Гурзулиди? — переспрашивал туговатый на ухо дед. — Который сапожник?

Но Панайот Гурзулиди, мастер сапожного цеха горпромкомбината, и не думал драться с Пападопулосом. Он просто хотел запустить в него увесистой деревянной колодкой, да не успел. Пападопулос выскочил за дверь как ошпаренный. Только его и видели...

Случилось это в пятницу, в конце дня.

Гурзулиди, просмолив дратву, торопился поскорее выполнить срочный заказ — лакированные туфли для одного хорошего парня, которому вдруг надоело носить вполне приличные еще сандалии и вообще ходить в холостяках.

Парень чуть не плакал. Завтра — свадьба. Уже испустил дух жирный барашек, и в двух холодильниках нежится в уксусе щедро пересыпанное луком и перцем мясо для шашлыка. Невесте, как это ни странно, после первой же примерки понравилось новое белоснежное платье из капрона. Ребята из общежития, проявив сознательность, заплатили предварительно штраф и в организованном порядке оборвали для свадебного букета клумбу в городском парке. А для жениха, как на грех, не нашлось в универмаге подходящей обуви. Сорок четвертый размер всегда был здесь в дефиците.

Гурзулиди обещал помочь. А если Гурзулиди сказал, то, будьте уверены, он свое слово «сделает». И пусть земля встанет дыбом, пусть прямо перед окнами цеха опустится с неба космонавт или — подумать страшно! — пусть тбилисское «Динамо» в поисках нейтрального поля выберет Кентау и будет здесь играть с ереванским «Араратом», — все равно Гурзулиди не сдвинется с места, пока парень не получит свои лакированные туфли.

Настроившись на веселый лад, ждал Гурзулиди в этот вечер жениха, а в цех неожиданно вошел Пападопулос. Присел на соседнем верстаке, щегольнув красными носками с лиловыми стрелками, и вежливо попросил разрешения закурить.

— Вы, кажется, будете председатель месткома?

Гурзулиди отвечал, что тут нет ошибки: да, он — председатель.

— Тогда скажите, пожалуйста, — продолжал Пападопулос, дымя толстой сигаретой с золотым мундшту-

ком, — почему мне, рабочему человеку, уже три дня не выдают зарплату?

Гурзулиди аккуратно отложил в сторону недошитый ботинок, шумно прочистил нос и сказал, что такие вещи, к сожалению, еще случаются. Всем известно: сейчас в банке на счету промкомбината одни нули. А произошло это, между прочим, и потому, что некоторые люди из фотоцеха разъезжают по всему Казахстану, но план свой не выполняют и вообще забывают пересылать выручку. Нет, он ни на кого не намекает. Просто эти люди, видимо, делают только «левую» работу.

Пападопулос вскочил, точно подброшенный пружиной, и перед изумленным Гурзулиди вдруг очутился совсем другой человек. Секунду назад спокойно сидел на верстаке слегка располневший, еще молодой, но весьма представительный мужчина. А теперь он был удивительно похож на Александру Милитиди. Есть такая вредная старуха в Кентау, что торгует на базаре калеными семечками.

Лицо его перекосилось, вороньим крылом яростно взлетела шевелюра, и, размахивая руками, он, как горох, сыпал отборнейшие ругательства.

— Ты, пиндос! — кричал Пападопулос, срывая голос. — Ты забыл, чей ты подданный? Где твоя настоящая родина? За сколько тебя купили эти коммунисты? Продажная душа! Ты тоже захотел строить коммунизм?

Кровь бросилась в голову Гурзулиди. Он медленно поднялся, слепо шаря перед собой, и схватил первое, что подвернулось под руку. Это оказалась деревянная колодка сорок четвертого размера...

Сапожный мастер, прожив на свете почти полвека, знал, конечно, что иные слова порой жалят хуже гадюки. Но никогда еще не испытывал он такой душевной боли. И работа валилась из рук.

С большим трудом он дошил ботинок.

Жена несказанно удивилась, когда Гурзулиди отказался от ужина. Это было не в его привычке. До глубокой ночи просидел он в беседке наедине с пепельницей, ощетинившейся окурками.

Где же твоя настоящая родина, Панайот?

Много лет назад его родители, спасаясь от резни, устроенной турецкими башибузуками, бежали из Стам-

була в Россию. Панайот родился на Кавказе. Здесь он вырос, учился в школе, и русский язык стал для него таким же родным, как и греческий.

Правда, было время, когда с Панайотом обошлись несправедливо. Да и не только с ним одним.

Но уже давно сделано все, чтобы до конца искоренить эту несправедливость. И разве теперь он может пожаловаться на свою судьбу? Дай бог каждому такой же достаток, как у него в доме. А дети? У него, простого сапожника, один сын кончает среднюю школу, а другой собирается стать инженером. Ведь он — студент Казахского политехнического института.

А как бы сложилась у Панайота жизнь, если бы его родители бежали из Турции не в Батуми, а в Афины?

Греция...

Он был неравнодушен к этой стране, хотя и представлял ее довольно смутно. Она была где-то далеко-далеко, за горами и морями... Но он гордился тем, что родился греком. Он был счастлив, когда снова и снова убеждался, с каким искренним уважением относятся в Советском Союзе к талантливому и трудолюбивому народу Греции.

Он никогда не был в Афинах и развалины Парфенона видел лишь на картинках в школьном учебнике сына. Но как живет в Греции трудовой люд — знал прекрасно. И не только из редких писем родственников.

В свое время из Кентау уехал в Грецию вместе со всей семьей киномеханик Иван Аргиропуло. Три нагруженных до отказа контейнера повез он. Были здесь и холодильник, и радиоприемник, и ковры, и стиральная машина.

Через полтора года Аргиропуло вернулся с одним тощим чемоданом. Пробыл он в Афинах ровно до того дня, когда продал последний ковер. Едва хватило на обратный билет. Спасибо еще, в советском посольстве помогли.

Все эти полтора года Аргиропуло жил в сыром и душном складе, где когда-то хранили табак. Целыми днями он рыскал по городу в поисках работы. Если и удавалось временно устроиться грузчиком, то работал по 10—12 часов и получал за это всего несколько драхм.

— Меня теперь туда и калачом не заманишь, — го-

ворил Аргиропуло, рассказывая о своих заграничных злоключениях.

И так говорил не он один.

Еле вырвался обратно из Греции шофер Москофиди. До сих пор проклинают тот день и час, когда решили уехать из Кентау, столяр Фулиди и парикмахер Христофориди.

А ведь Константин Христофориди мог бы неплохо устроиться в Греции. Ему обещали постоянную работу и удобную квартиру. Только прежде надо было выступить по радио и сказать всего несколько слов. Ну, например, что в Советском Союзе народ такой отсталый, что зубную пасту принимает за крем для пирожных, и вообще все люди ходят там в башмаках... на деревянной подошве. А еще надо было хотя бы изредка наведываться в греческую полицию — асфалию — и сообщать сведения о репатриантах, которые собираются снова уехать в СССР.

Христофориди, выслушав столь «заманчивые» предложения, сломя голову кинулся в советское посольство. И все помнят, как он, вернувшись из Греции, не скрывая слез, обнимал всех, кто стоял на перроне вокзала.

Так где же твоя подлинная родина, Панайот Гурзулиди?

В этот поздний полуночный час, наедине со своей совестью ответь же наконец: какая земля вскормила тебя? Чей ешь ты хлеб? Кто дал надежный кров твоей семье, какой народ сделал тебя Человеком?

Ты молчишь... Ты давно уже в душе ответил на эти вопросы.

Но почему тогда твои сыновья до сих пор считаются подданными греческого короля? На какой стороне окажутся они, если — не приведи господь! — снова, как в сорок первом, черная хмара нависнет над страной, ставшей твоей настоящей родиной?

Почему, наконец, сам ты все еще носишь в кармане паспорт чужого государства?

Чужое государство...

Это не та Греция, образы которой иногда тревожат твои сны.

Это государство богачей и нищих.

Это истерзанная горем земля, над которой с воем проносятся заокеанские бомбардировщики.

Это не твое государство, Панайот Гурзулиди.

А Грецию, страну талантливого, умного и свободолюбивого народа, ты будешь любить по-прежнему страстно и нежно. И память об этой стране всегда будет храниться в твоем сердце.

...Под утро жена Гурзулиди, проснувшись, с ужасом обнаружила, что рядом на постели нет мужа. Она, грешным делом, подумала бог знает что, пока не заметила свет в соседней комнате.

Склонившись над столом, Гурзулиди старательно «писал свою жизнь». Это было заявление в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о приеме в советское гражданство.

...Коротка летняя ночь. Отсверкала звездами и ушла. А новый день наливался зноем, и вдали над низким степным горизонтом уже дымились под горячим ветром барханы.

В эту душную ночь не ложился спать и Пападопулос. До самого рассвета четким, убористым почерком заполнял он тетрадь, носившую громкое название — «меморандум».

Напрягая фантазию, он изощрялся во лжи, обливая грязью Советскую страну, ее руководителей, выдумывая дичайшие обвинения в адрес всего нашего народа. Для него это было привычным делом. Не первый раз он составляет подобные послания, передавая их затем некоторым чиновникам греческого посольства. И хотя не стоило особого труда уличить его в беспардонном вранье, все же пасквили Пападопулоса высоко ценились буржуазной прессой.

Теперь перед Пападопулосом поставили более сложную задачу. Для вящего эффекта решено было направить за рубеж письма «задавленного гнетом» грека. Лучше всего с каким-нибудь иностранным туристом, которому Пападопулос должен был незаметно передать свой «меморандум».

Пападопулос не возражал. Можно и с туристом. Можно заключить сделку и с самим чертом, лишь бы платили за «работу» в устойчивой валюте. Драхмы его не привлекали. Доллары надежнее. Уж он-то найдет

применение своему капиталу! Только бы поскорее перебраться за границу...

В минуту откровенности Пападопулос признался своей близкой знакомой — Цилии З., что отнюдь не собирается задерживаться в какой-то там Греции. Его манил ночной Париж, он еще поживет на широкую ногу и за океаном. Недаром же он раздобыл номера телефонов французского и американского посольств. Там, он уверен, не откажутся от услуг столь сведущего человека.

Но пока надо составлять очередной «меморандум». И выражения, которым, кажется, позавидовал бы Геббельс, легко льются из-под ядовитого пера этого оборотня. Здесь были слова и о «железном занавесе», и о рабстве «под пятой коммунистов». Здесь были рассуждения, занявшие целую страницу, о «диктаторах» и даже о Гимне СССР, для которого Пападопулос накропал махровый антисоветский текст.

Не знал Пападопулос, что придет день, когда в суде зачитают его «меморандум» и спросят:

— Это вы писали?

И он под сверлящими взглядами свидетелей ответит:

— Да, я...

И тогда Панайот Гурзулиди, не выдержав, гневно ударит себя в грудь и тихим, придушенным голосом скажет:

— Как же ты посмел, выродок?!

А председательствующий строго призовет свидетеля к порядку, и Пападопулос нехотя процедит сквозь зубы:

— Здесь, в меморандуме, одна ложь...

6

Фельетон о тунеядце наделал в Кентау много шума. Наиболее горячие головы предлагали без лишних разговоров выселить Пападопулоса из города. Но другие, особенно люди постарше, советовали сначала поговорить с ним по душам. Надо же воспитывать человека.

— Это кого вы собираетесь воспитывать? — кипятился плотник Полатиди. — Да вы знаете, чем он занимается вместе с Георгием Химониди? Вы меня лучше спросите!

И Полатиди рассказал историю, которая, на первый взгляд, выглядела почти фантастической.

Все знают, что у Полатиди жизнь была нелегкой. Годовалым ребенком остался он без отца. А мать, та самая Александра Милитиди, что торгует теперь семечками на базаре, меньше всего заботилась о сыне.

Вырос Полатиди в семье грузина Лаврентия Леонтьевича Хочалова, которого по праву считает своим самым близким и родным человеком. В шестнадцать лет получил Полатиди советский паспорт, приемный отец научил его доброму ремеслу плотника, и давно уже работает он на стройках, ловко орудуя топором.

Но однажды, как снег на голову, пришло письмо из греческого посольства: «Господин Полатиди! Ваша просьба удовлетворена, высылаем Вам паспорт подданного королевства Греции».

«Господин» Полатиди был так же далек от этого королевства, как планета Марс от железнодорожного светофора на станции Арысь. Какая просьба? Какой паспорт?

И товарищ Полатиди понял, что он стал объектом провокации. Не приходится удивляться, что от него последовал энергичный и совсем не любезный ответ. Но, не ограничиваясь этим, он решил узнать, кто же написал от его имени заявление?

Вскоре выяснилось, что писал заявление некий Георгий Химониди — тихий, благообразный старичок с подслеповатыми глазками. И писал не один, а под диктовку Пападопулоса.

Так, помимо Полатиди, советские граждане Кирияк Милитиди, Иван Жордани и Анастас Химониди нежданно-негаданно стали невольными обладателями греческих паспортов. А получить такой паспорт совсем нетрудно, если об этом «позаботятся» Химониди с Пападопулосом.

Рассказ Полатиди о том, как он чуть было не превратился в «господина», заставил жителей Кентау призадуматься. Нет, Пападопулос не просто бездельник, живущий на «левые» доходы от фотографии. Постепенно стал проясняться подлинный облик этого фальшивого и коварного человека.

А ведь они тогда еще многого не знали...

И только Янис Алатзас, электрик управления «Южказэнерго», не терял надежды и верил, что ему удастся увести Пападопулоса с гибельного пути. Алатзас уже говорил с ним однажды, объясняя, почему он, ветеран греко-итальянской войны, активный участник борьбы с немецко-фашистскими оккупантами, был вынужден уехать из своей страны. Неужели Пападопулос не поймет?

В Греции говорят: если человек стоит перед пропастью — схвати его за руку. И он, Янис Алатзас, старый кадровый рабочий из Салоник, обязан прийти парню на помощь.

Целый день Алатзас разыскивал по городу Пападопулоса. Девушка в билетной кассе на автобусной станции сказала, что Георгий уехал.

— А не знаете, когда он приедет обратно? — спросил Алатзас.

— Он сказал, что вообще больше не желает жить в этом городе.

И действительно, в Кентау Пападопулос уже не вернулся.

7

Наверное, это было так...

В посольстве Пападопулоса, как всегда, встретили радушно. Почтительно раскланявшись с чиновниками, он сразу прошел в кабинет Моливиатиса.

О чем же они говорили там, за тщательно прикрытой дверью?

Может быть, Пападопулос снова умолял побыстрее оформить ему визу на выезд из СССР? Он ведь чувствовал, что над ним собираются тучи. После фельетона, пожалуй, не удастся по-прежнему жить вольготно, пробавляясь «левыми» заработками и собирая капитал.

Моливиатис, вероятно, успокаивал его, обещая свое безграничное содействие. Но секретарь посольства, скорее всего, и не собирался устраивать дальнейшую судьбу Пападопулоса. Ведь он был весьма ценен только здесь, в Советском Союзе, где мог умело выполнять некие доверительные поручения...

Вот и сейчас после просьб о выезде Пападопулос стал рассказывать о том, что он видел, разъезжая по

стране, и что ему удалось сделать вместе с Георгием Химонпди, навязывая некоторым жителям Кентау иностранное подданство. Трудно сказать, как воспринял этот рассказ Моливиатис. Может быть, внимательно слушая Пападопулоса, он думал о том, что все-таки нелегко вести подрывную работу среди советских граждан. Моливиатис наверняка знал, что это недостойное дело встречает единодушное осуждение и в Советском Союзе, и в кругах прогрессивной общественности в самой Греции. Не случайно афинская газета «Авги» задавала на своих страницах вопрос: чем руководствовалось правительство Караманлиса, проявив вдруг «трогательную» заботу о греках, издавна живущих в СССР? И далее газета писала: «Недопустимо, чтобы в момент, когда наметилась разрядка международной напряженности, правительство проводило политику, противоречащую национальным интересам и направленную на осложнение отношений с Советским Союзом».

Не мог не знать Моливиатис и о том, что правительство СССР искренне стремится к дружбе с Грецией. Ведь у нас никогда не было не только конфликтов с греческим народом, но в период героической борьбы греков за свою свободу и независимость русские люди вместе с ними проливали кровь, сражаясь с иноземными поработителями на многострадальной земле Эллады. Наши народы всегда были братьями, и мы всегда желаем грекам такого же счастья, как и себе.

А что делал Моливиатис, выполняя инструкции своих хозяев? О чем он говорил с Пападопулосом, закрывшись в кабинете?

Не будем гадать.

Но досконально известно, как вел себя Пападопулос после беседы с Моливиатисом. Прямо из посольства он отправился на вокзал и очутился с фотоаппаратами на Черноморском побережье. Потом его видели в различных районах страны. Он крутился вблизи военных аэродромов, когда там проводились полеты, осторожно расспрашивал людей в военной форме и чутко прислушивался к случайным разговорам, стараясь нащупать тропы к расположениям ракетных частей.

И если на этот раз Пападопулос не смог выполнить задание, то это, право же, не его вина...

Площадь до отказа наполнена шумом. Говор толпы на тротуаре, шелестящее шуршание автомашин, сплошным потоком огибающих сквер в центре площади, визг тормозов перед светофорами и нередкие трели милицейского свистка — все это сливалось в одну низкую ноту.

Сегодня этот шум большого города как-то странно волновал капитана Сотова.

Он был уже немолодым человеком и видел в жизни немало. В годы войны командовал взводом полковой разведки и оставил свою подпись на закопченных стенах рейхстага. Потом работал директором средней школы и, склоняясь над школьными тетрадками, втайне мечтал об аспирантуре. Однако поздней осенью 1953 года судьба коммуниста Сотова круто изменилась. Его вызвали в райком партии, и оттуда он уже вышел с направлением на работу в органы государственной безопасности.

Сотов до сих пор, несмотря на солидный возраст, считал себя молодым чекистом.

С точки зрения авторов некоторых приключенческих книг, он, наверное, не соответствовал незыблемому стандарту ужасно выносливых, ловких и, главное, страшно проницательных оперативных работников.

Был Сотов довольно мешковат, хотя силенки ему при случае не пришлось бы занимать на стороне. И романтики не искал он в своей нелегкой, подчас весьма утомительной работе.

Что же сейчас тревожило капитана Сотова? Может быть, это происходило оттого, что вышел он из здания Комитета в тот утренний час, когда над городом, разогнав тучи, рванул короткий шквальный ветер и на миг выглянуло нежаркое осеннее солнце. Веселый праздничный свет упал на площадь, и бронзовый Дзержинский с высоты своего пьедестала, казалось, строго и испытующе взглянул прямо в глаза Сотова.

И теперь, стоя у газетного киоска, Сотов вдруг непривычно почувствовал себя учеником, сдающим экзамен взыскательному учителю. Здесь, на одной из центральных магистралей Москвы, он должен был оборвать черную нить. Он ждал Пападопулоса.

Капитан Сотов знал, что разведка «КИП» (государственная служба информации) весьма заинтересована в результатах последней поездки своего агента. Конечно, все собранные им сведения пойдут не только в «КИП». Разведки стран блока НАТО давно уже интенсивно обмениваются секретной информацией, и самое ценное передается за океан, в управление стратегического планирования, где на карте Советской страны днем и ночью уточняются цели.

Капитан Сотов был далек от романтики. Он не любил и не читал приключенческих книг. И сейчас, прислонившись к газетному киоску, он думал лишь о том, что надо сделать через несколько минут.

Но те, кто послал Сотова на задание, хорошо знали этого спокойного и внешне ничем не примечательного человека. Они знали: Сотов не дрогнет, не отступит. И если надо, он без лишних раздумий, без громкой фразы отдаст жизнь, оберегая безопасность своего народа.

...А со стороны это выглядело, должно быть, очень просто.

Шел по тротуару, помахивая чемоданчиком, черноволосый мужчина. К нему подошел человек в синем костюме. В глазах черноволосого появился страх. Он вороватo оглянулся, словно собираясь кинуться в двери метро, но его уже крепко держали за руки. А у тротуара, притормаживая, останавливалась «Волга».

И снова шумит город. Идет обычная жизнь. С буднями и праздниками, со своим размеренным трудовым ритмом, с радостями, заботами, мечтами. Сизой волной бьется в гранитных набережных Москва-река. Голубые ели шеренгой вытянулись вдоль стен Кремля. Взлетают над серой брусчаткой голуби.

И в самом центре столицы, в сердце страны, замер на пьедестале бронзовый Дзержинский. Будто бессменный Часовой великой пролетарской Революции.

9

Спустя несколько дней в газетах было опубликовано сообщение Министерства иностранных дел СССР. В нем говорилось, что второму секретарю греческого посольст-

ва в Москве Моливиатису, который под маской дипломата занимался шпионажем, предложено немедленно покинуть пределы Советского Союза.

А потом был суд.

В одном из южных городов, поздним майским вечером, стоя слушал приговор Пападопулос...

С КРЕСТОМ И КАСТЕТОМ

В кустанайской церкви впервые служил обедню новый священник. Потрескивали восковые свечи, бросая трепетные тени на червонные оклады икон, густел полумрак под бревенчатым куполом, и прихожане, исправно отбивая поклоны, следили за каждым шагом отца Зиновия. Их смущал и тревожил облик духовного пастыря: уж больно молод. Поди, и службу толком не знает.

Но отец Зиновий уверенно вел обедню, и его бледное лицо, окаймленное волнистой, холеной бородой, казалось преисполненным святой кротости и веры. А когда он, поблескивая парчовой ризой, поднялся на амвон и стал читать проникновенную проповедь, у прихожан растаяли последние сомнения. Они решили, что в лице отца Зиновия на них снизошла божья благодать.

И конечно, никто из верующих, собравшихся в церкви, не мог и подумать, что настанет пора, когда одно имя отца Зиновия будет вызывать у них гнев и проклятия, когда суровая правда об этом «божьем слуге» откроет многим из них глаза и невольно заставит отвернуться от религии.

* * *

Это было в конце Великой Отечественной войны. Сокрушая оборону гитлеровцев, наши войска в упорных боях продвигались к советско-польской границе. Над истерзанной украинской землей занималась заря мирной жизни.

Но в лесных чащобах, среди болот, притаились те, у кого советский строй вызывал лютую злобу. Это были объединенные авантюристом и бандитом Степаном Бан-

дерой презренные жовтоблакитники — петлюровские отбросы, бывшие полицаи и каратели, служившие верой и правдой фашистскому рейху. Они еще на что-то надеялись, ждали иных времен, новых хозяев.

И хозяева нашлись.

28 апреля 1945 года наземные посты противовоздушной обороны над территорией Полесья засекли неизвестный самолет. Он летел на большой высоте и, встреченный истребителями, круто развернулся и ушел на запад.

В то время советские войска уже штурмовали Берлин, и гитлеровская Германия доживала последние дни. Поэтому появление самолета в глубоком тылу представлялось вдвойне загадочным. Были основания предполагать, что в Полесье сброшен вражеский десант.

Воинские части, охранявшие тыл Третьего Белорусского фронта, с помощью населения провели тщательное прочесывание лесов в местах предполагаемой высадки десанта. И вот в районе Мерлинских хуторов, на границе с Ровенской областью, в глухой дубраве был пойман некий Роман Бордашевич. Он сломал при неудачном приземлении ногу и был взят вместе с портативной радиостанцией, комплектом шифровальных карт и прочим шпионским снаряжением.

Личность Бордашевича была хорошо известна нашей контрразведке. В 1941 году он отбывал в тюрьме наказание за хулиганство. Освобожденный гитлеровцами, Бордашевич стал работать в Минске следователем криминальной полиции, а затем вместе с отступающими оккупантами бежал на запад.

На допросе этот предатель дал весьма интересные показания.

После приезда в Германию Бордашевич был зачислен в бандеровскую разведывательно-диверсионную школу, расположенную в окрестностях Мюнхена. Вся эта школа была захвачена американскими войсками. И вот буквально за несколько дней до падения Берлина в школу прибыл личный представитель генерала Донована, начальника американской разведывательной службы. По его приказу десять человек, обучавшихся в школе, были перевербованы, посажены на трофейный транспортный самолет и отправлены на восток.

Бордашевич заявил на допросе, что перед ними поставили задачу всеми мерами препятствовать мирному

труду советских людей. Из числа парашютистов, сброшенных в Полесье, он близко знал только одного — «кошевого проводника» Гаевого.

Следы Гаевого вскоре отыскались на Станиславщине. Он возглавил здесь бандеровскую шайку. Ее путь по хуторам и отдаленным селам был отмечен кровью и пожарами: там, где проходила она, горели амбары с артельным добром, падал с проломленной головой комсомольский активист, автоматная очередь косила колхозный скот. Уходя от преследований, банда всякий раз появлялась там, где ее меньше всего ждали. У бандеровцев были помощники. Список своих доверенных людей главарь банды Гаевой хранил в тайнике. В этот список под особым шифром был занесен и Зиновий Карась, студент Рогатинского педагогического училища.

Падение Зиновия Карася началось после знакомства с одним коренастым, средних лет мужчиной, у которого был тяжелый, давящий взгляд и тоненькие усики над мясистой губой. Нового знакомого звали Владимир Пизь. Он охотно приглашал студента к себе домой, угощал самогоном и исподволь заводил с ним разговоры об истории Украины.

Но это была какая-то странная «история». Она, казалось, опровергала все, что знал до сих пор Карась из рассказов своих односельчан, из книг и лекций. Если верить Пизю, то выходило, что Украина всегда стонала под игом Москвы, что Богдан Хмельницкий изменил в Переяславле своему доблестному казачеству и его за подписание договора о добровольном воссоединении с Россией «щирые» украинцы предают вечной анафеме. От таких разговоров голова у Карася пошла кругом.

Этого и добивался Владимир Пизь — один из подпольных руководителей украинских националистов. Ему, матерому иезуиту, удалось совратить «зеленого», недоучившегося студента. И его разговоры с Карасем становились все откровеннее.

— Война еще не кончилась, — внушал Пизь Зиновию. — Скоро американцы нападут на Советский Союз, и мы создадим самостийную Украину. Тот, кто теперь помогает нам, станет у власти, и ему будут обеспечены почет, слава, деньги!

И Карася, который постепенно стал смотреть на жизнь глазами своего наставника, уже не устраивала

скромная профессия учителя. Он хотел быть видным человеком в той, «самостийной» Украине, которую с помощью американских толстосумов собирались провозгласить Владимир Пизь и его присные.

Вскоре новоявленного члена подпольной организации испытали на одном деле.

Это случилось во время каникул, которые Карась проводил у отца в селе. Стояли душные августовские ночи, и Зиновий спал на сеновале. Однажды его разбудил неизвестный человек.

— Ты будешь студент Зиновий Карась? — шепотом спросил он. — Так слушай. Я — Гаевой. Ты отправишься в Рогатин, выкрадешь в училище пишущую машинку и принесешь ее в пятый лог. Там тебя будут ждать. Да смотри не вздумай привести за собой «хвост». У нас разговор короткий. Понял?

В темноте сеновала щелкнул курок пистолета...

Но Карась и не думал отказываться от задания. Он давно ждал «настоящего дела». На следующий день Зиновий пробрался в здание училища, взломал замок кладовой, разворотил ломом замурованную дверь, ведущую в кабинет директора, и вытащил оттуда пишущую машинку.

Вскоре крестьяне стали приносить в милицию и сельсовет подобранные на большаках листовки, заполненные убористым машинописным текстом. Это были грязные антисоветские пасквили бандеровцев.

Теперь Зиновий Карась зажил двойной жизнью. Окончив педучилище, он стал работать учителем в селе Васючин. По утрам он решал с учениками задачи, ходил в сельсовет, где числился активистом, и даже вступил в комсомол. А ночью начиналась другая жизнь. Под покровом темноты, хоронясь в огородах, пробирались к Карасю посланцы Гаевого. Он сообщал им сельские новости, называл имена людей, заслуживающих, по его мнению, бандитской кары, доносил о передвижениях милицейских отрядов.

Но дни бандеровских шаек на Станиславщине уже были сочтены. Под ними горела земля. Люди, испытавшие гнет польской шляхты и фашистскую оккупацию, воочию видели, что только Коммунистическая партия и советский строй вывели Украину, как и все другие рес-

публики великой Страны Советов, на широкую и ясную дорогу к счастью.

И люди стали хватать бандитов, передавая их в руки представителей власти. Так были пойманы сподвижники Гаевого, по кличке Мак, Дуб, Данило, Орест. Дошла очередь и до главаря. Крестьяне устроили в лесу облаву, и Гаевой, предчувствуя неминуемую расплату за все совершенные им злодеяния, пустил себе пулю в лоб.

Весть о разгроме банды до смерти напугала Зиновия Карася. «А вдруг дознаются о его дружбе с Гаевым, найдут список бандитских связных? Надо скорее, заметая следы, бежать из этих мест. Бежать куда-нибудь подальше, ну хотя бы в Кустанай, где родной дядя жены, Юлиан Борыскевич, живет, судя по письмам, не зная ни горя, ни нужды».

Настоятель кустанайской церкви отец Юлиан радушно встретил родственника, и в его тихом доме, где день и ночь перед ликами святых теплились лампады, Карась обрел наконец душевный покой. Шли дни... Никто не тревожил Зиновия. Он отъелся на сытых хлебах, раздобрел. Чтобы как-нибудь отплатить отцу Юлиану за гостеприимство, стал работать при церкви счетоводом.

И тут, подсчитывая ежедневную лепту доброхотных приношений, Карась быстро смекнул, что служба в церкви — дело весьма доходное. Он стал намекать настоятелю о своем желании принять священнический сан. Но отец Юлиан встретил эти намеки без особого восторга.

— Послужи сначала счетоводом, — говорил он. — Вникни в слово божие, изучи требник, а потом видно будет.

Карась засел за церковные книги. Он даже перестал ходить в парикмахерскую и оброс дивной бородой.

Поздней осенью труды бывшего учителя увенчались успехом. Алма-атинский епископ «возложил на него сан», и в Кустанае появился новый священник — отец Зиновий.

На первых порах он пользовался у прихожан популярностью. Богомольные старушки, млея от восторга, даже отыскали в чертах батюшки сходство с ликом Христа-спасителя. И только отца Юлиана мучили дурные предчувствия: в денежных делах племянничек оказался докой — львиную долю церковных сборов он оставлял

себе. Не прошло и полугода, как новый пастырь купил просторный дом, обставил его стильной мебелью, завел сберегательную книжку, на которую положил несколько десятков тысяч рублей.

Стороной до настоятеля стали доходить слухи о совсем уже грешных делах отца Зиновия. В разных концах города появились у духовного отца «духовные дочери». Посещал их молодой священник преимущественно под вечер. А возвращаясь домой в непотребном виде — пьяным в стельку, распевал цыганские романсы.

«Ох, чует сердце, быть беде», — с тревогой думал отец Юлиан.

А Зиновию и горя было мало. Пьяная, разгульная жизнь под сенью церковного креста пришлась ему по душе.

Но вечерами, когда к окнам неслышно подкрадывалась темная ночь, Карась частенько вспоминал о Гаеве, о своих друзьях—украинских националистах, о которых не было ни слуху ни духу. «Неужели это конец?»— сожалел отец Зиновий. Неужели все их планы пошли прахом, а ему придется всю жизнь таиться, лицедействуя на амвоне и размахивая опостылевшим кадилом. А как же мечты о «самостийной» Украине, где ему, Зиновию Карасю, казалось, самой судьбой уготованы власть и почет?

И Карась бросался к радиоприемнику, стараясь на короткой волне сквозь треск разрядов уловить знакомые голоса. Он по нескольку раз перечитывал газеты, пытаясь между строк отыскать ответ на свой вопрос: скоро ли вспыхнет новая война?

Осенью 1956 года, когда над Порт-Саидом рвались снаряды англо-французского десанта, а на улицах Будапешта фашистское воронье терзало тела замученных коммунистов, отцу Зиновию показалось, что для него пробил желанный час. Он выехал в Станиславскую область, стремясь возобновить старые связи с бандитским подпольем. Здесь он снова встретился с Владимиром Пизем.

Несказанно удивлен и обрадован был этот наемный стервятник новым обличием своего питомца. Нет, не пропали даром его уроки. Как ловко вывернулся Карась! В рясе священника ему удобней всего выполнять задания. И Пизь приказал отцу Зиновию:

Зак. 497

— Поезжай обратно. Ищи надежных людей. Запасайся оружием и жди сигнала. Наше время придет.

Кроме словесного напутствия отец Зиновий увозил полученные от Пизя антисоветские листовки и комплекты клеветнической газетенки, издаваемой на деньги американской разведки.

Окрыленный встречей со своим старым дружком, Карась возвратился в Кустанай и развил бурную деятельность. Он приобрел крупнокалиберное нарезное ружье, боеприпасы, достал разбойничий кастет. Этот кастет лежал в тайнике рядом с комсомольским билетом, который предусмотрительный Карась хранил просто так, на всякий случай...

В пропсведях, произносимых молодым священником, теперь все чаще и чаще стали проскальзывать слова о близком конце мира, о слабости Советской власти. Вечерами отец Зиновий обходил дома наиболее надежных, как ему казалось, прихожан и, читая белоэмигрантские листки, злобно хулил Коммунистическую партию и Советское правительство.

Веруюшие люди с удивлением слушали своего духовного пастыря. В подавляющем большинстве это были честные советские граждане, и они решительно протестовали против провокационных речей распоясавшегося священника.

Даже самая преданная «духовная дочь», работница геологического управления К., которой отец Зиновий предложил собрать сведения о месторождениях полезных ископаемых, разведанных в Кустанайской области, отшатнулась от него. Раздумья над этим явно шпионским заданием поколебали у К. религиозные убеждения, и она нашла в себе мужество пойти туда, где уже коечто было известно о подпольной деятельности бандитского выкормыша.

И только один человек, некий Дучер Дей, работавший инженером на Кустанайской междугородной телефонной станции, с распростертыми объятиями пошел навстречу отцу Зиновию. Этот человек с иностранными именем и фамилией родился на русской земле, но был ее давним врагом. Он до сих пор не мог забыть, что здесь, в этой стране, его отец был владельцем золотых рудников и поместий на берегах Крыма, что все эти

богатства в октябре 1917 года перешли в собственность народа.

Зиновий и Дей часто встречались за бутылкой водки, обсуждая свои дела.

— Мы оба должны активно действовать против Советов, — говорил Дей. — Надо собирать сведения о коммунистах. Придет война — будем их уничтожать.

— Когда начнется война, — вторил Дею отец Зиновий, — я сменю крест на автомат.

Они дрожали от нетерпения, от желания резать и убивать, грабить и жечь. Они готовы были выступить хоть сейчас. Но шли дни, а обещанного сигнала к выступлению все не было...

И тогда они решили действовать на свой страх и риск. По инициативе отца Зиновия был разработан подробный план уничтожения первого эшелона с соколовской рудой, который горняки Рудного намеревались отправить в Челябинск. Эта диверсия, по замыслу Карася и Дея, должна была послужить своеобразным донесением их хозяевам о переходе подпольной группы к активным действиям.

Скажем прямо: план диверсантов был обречен на провал. За бандитами бдительно следили органы государственной безопасности. Но арест Карася, а затем и Дея произошел при непредвиденных обстоятельствах. Поводом для этого послужило кощунственное преступление отца Зиновия.

...В солнечный августовский день священника пригласили на кладбище отслужить панихиду. Закончив отпевание и получив причитающуюся мзду, Зиновий пьяным взором окинул кладбище. Он увидел скромные обелиски, увенчанные пятиконечными звездочками. Жгучая ненависть опалила его. Забыв обо всем на свете, видя перед собой только эти алые звезды, Карась схватил лопату и яростными ударами стал крушить могильные плиты.

В ужасе застыли верующие, пришедшие на панихиду. Они не верили своим глазам. Неужто этот разъяренный, с искаженным злобой и ненавистью лицом человек и есть их духовный пастырь? Неужели это он, отец Зиновий, рвет и ломает священные для любого человека надгробья, и небеса молчат, и божья кара не обрушится немедля на голову святотатца?!

Но голубое небо было ясным, безоблачным...

И тогда у людей словно спала с глаз пелена. Они перестали ждать вмешательства всевышних сил и сами расправились с осквернителем могил.

Так отец Зиновий попал за решетку.

На суде его спросили: верил ли он в бога, принимая сан священника? Карась цинично изрек:

— Я об этом не задумывался.

Ничего удивительного нет, что все эти бандеры и гаевые, караси и деи не верят ни в бога ни в черта. У всех у них лишь один идол, которому они поклоняются, которому запродали свои тела и души, это — Господин доллар.

Изобличенные на суде многочисленными свидетелями и вещественными доказательствами, З. Карась и Д. Дей были приговорены к длительному тюремному заключению.

В приговоре суда особо подчеркивалось, что Карась и Дей были привлечены к уголовной ответственности не за свои религиозные убеждения. Советская конституция гарантирует всем гражданам полную свободу вероисповедания. Но Советское государство никогда не мирилось раньше и никогда не допустит впредь, чтобы под видом религиозной деятельности проводилась провокационная антисоветская пропаганда, чтобы под рясами или сутанами служителей культа скрывались заклятые враги нашего народа.

...История с разоблачением Зиновия Карася вызвала в Кустанае немало разговоров. Теперь все постепенно забывается. И только старый настоятель, оглядывая в церкви поредевшие ряды верующих, частенько недобрым словом вспоминает своего «племянника». А вечерами, подсчитывая заметно оскудевшие подаяния прихожан, отец Юлиан сокрушенно вздыхает...

═ ★ ═

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

1

Сплетаясь в огненные жгуты, извиваясь, точно змеи, буквы плясали в диком, неистовом танце и вдруг замерли... Теперь они образовали короткое, давящее могильной плитой слово «ИПХС».

Маргарита очнулась. Перед глазами дрожал тоненький луч, пробившийся сквозь щель. Она с трудом подняла онемевшую руку, пытаясь поймать его. Медленно возвращалось сознание. Давно ли она лежит здесь, в сыром и душном подземелье? И где она видела эти горящие буквы — во сне или вот тут, на шершавой, заиндевелой стене?

Доски над головой прогибались под тяжелыми шагами. Потом все смолкло. Но прошло еще немало времени, пока наконец раздался скрипучий голос Ираиды:

— Выходи.

Ираида молча сунула ей в руки плетеное лукошко, и Маргарита поняла: надо идти за грибами.

Глухо шумела тайга, пробитая закатным солнцем. Нет, кажется, этой тайге конца и края. Только едва приметная тропа, о которой знают лишь немногие, особо доверенные люди, петляет по увалам, огибает непролазные буреломы и ведет к одинокому зимовью, где уже шестой год живет Маргарита.

Разыскивая среди палых листьев грибы, она наткнулась на лужицу с почерневшей водой. Несмело глянула, словно в зеркало, и в испуге отпрянула. Неужели это ее лицо — худое, с горькими складками, с посиневшими губами?

Ей было всего пятнадцать лет, когда седой сгорбленный старик, инок Варлаам, как называл он себя,

увел Маргариту из дому. Увел ее силком, а с позволения матери, которая только и сказала дочери на прощание:

— Спасай свою душу!

Маргарита знала: спорить бесполезно. Крутая нравом мать все равно настоит на своем. Она не забыла, как несколько лет назад, заламывая руки, металась по комнате старшая сестра Надежда, как молила, кидаясь в ноги матери:

— Не губи!

Но та была непреклонна. И Надю забрали, увели из дому. А теперь настал ее черед. Маргарита не осмелилась пойти против материнской воли. Лишь с тоской оглядела перед уходом комнату да тихонько провела рукой по портфелю, где лежали новенькие учебники для восьмого класса.

Варлаам увез Маргариту в Абакан. Потом они долго пробирались сквозь тайгу. Падая от усталости, вышли на исходе четвертых суток к заброшенному зимовью.

И потянулись нескончаемой чередой дни, заполненные постом и молитвами. Питались грибами, кислой капустой да картофелем, скупо политым подсолнечным маслом. Еду приносили какие-то люди, которых Маргарита не видела в лицо. Когда вблизи зимовья появлялся чужой человек, Варлаам прятал Маргариту в тайнике, вырытом под печкой.

После одного затянувшегося поста старец объявил, что настала пора совершить обряд водного крещения. Он притащил из сеней березовую лохань, заставил Маргариту наполнить ее водой из колодца. Вокруг лохани Варлаам зажег четыре свечи.

— Скидавай одежду, дочь моя,— сказал он, масляно поблескивая глазами.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, пока Варлаам как-то уж очень долго читал молитву, и было ей стыдно, и горько, и тошно до слез. Трижды окунулась она в лохани, и Варлаам сам напялил на нее белую до пят рубаху. Трясущиеся руки старца были холодными как ледышки.

Года через два в зимовье пришла пожилая женщина в монашеской накидке.

— Это твоя духовная мать,— сказал Варлаам.— Почитай ее пуще матери родной.

Несладкой была прежняя жизнь Маргариты, а теперь стала и того горше. Варлаам ушел в Абакан, а «мать» Ираида, казалось, задалась единственной целью — поскорее переправить девушку в иной мир. Она запретила Маргарите выходить из дому при свете солнца, по нескольку часов кряду заставляла лежать в яме под печкой и повторять молитвы. И если Маргарита медлила, не решаясь сразу спуститься в опостылевшее подземелье, то Ираида на целый день лишала ее и без того скудной пищи или подвергала еще более тяжкому наказанию.

— Даю тебе пять лестовок,— говорила она.

Пять лестовок — это пятьсот поклонов. Стоя над небольшой доской — подручником, Маргарита должна была сделать пятьсот поклонов, касаясь доски руками, коленями и головой.

— Я из тебя выбью гордыню! — угрожала Ираида.

И снова усаживала за потрепанные, залитые воском книги, где чуть ли не с каждой страницы перед воспаленным взором Маргариты вставало слово «ИПХС».

Она теперь знала, какое это страшное слово. И не было сил уйти от него, и не было надежды вырваться когда-нибудь из плена...

Вернувшись с наполненным лукошком, Маргарита заметила, что Ираида чем-то встревожена. Видно, гонец, под ногами которого осыпались стены в подземелье, передал ей какую-то неприятную весть.

Утром Ираида объявила:

— Собирайся. Инок Варлаам велел отвезти тебя в школу.

Маргарите показалось, что она ослышалась. Ее — в школу?! Да может ли это быть!

Но попала она не в ту школу, о которой втайне мечтала всю дорогу, сидя в вагоне под испытующим, колючим взглядом Ираиды.

Располагалась эта «школа» в тесном саманном доме с вечно занавешенными окнами. Стоял дом на одной из улиц поселка Тюлькубас. И хотя над ним не гудела под свирепым ветром тайга, а жарко пылало казахстанское небо, все здесь напоминало далекое зимовье. Только подземелье было просторнее, и прятались в нем от постороннего глаза не одна Маргарита, а еще четыре девушки да их духовная наставница — инокиня Градислава.

Вставали они засветло, молились, и Градислава, женщина лет тридцати, с тонкими поджатыми губами, начинала «урок». Она читала им рукописные брошюрки, объясняя тайный смысл чисел 1,666 и 45, потом знакомила с догмами из книги «Универс». А в этой книге больше всего говорилось об антихристе, о том, что его царству придет конец, и под «царством антихристовым» подразумевалось не что иное, как Советская власть.

Маргарита подружилась с одной тихой, молчаливой девушкой. Звали ее Сидонеей. Но это было не настоящее ее имя. Девушка призналась, что она родом из Алтайского края и ее увели из дому в шестнадцать лет. Все последние годы она, как и Маргарита, провела в подземельях, а в Тюлькубас приехала из узбекского города Янги-Юль. Там, в доме за городским кладбищем, тоже была «школа», в которой преподавала Градислава.

— А здесь у нас целый университет,— невесело пошутила Сидонея, лежа в тайнике рядом с Маргаритой.

Спустя месяц Градислава принимала «экзамены». Вместе с ней ответы учениц внимательно слушал бородатый мужчина в ермолке.

Ночью Сидонея шепотом спросила у Маргариты:

— Ты знаешь, кто это был?

— Нет...

— Это один из главных. Инок Мина...

2

В один из январских дней 1960 года в воинской части № 342 произошло ЧП. Дезертировал молодой солдат Геннадий Русаков. Правда, он не успел далеко уйти. Его заметили на базаре, когда он менялся одеждой с полупьяным, жуликоватого вида детиной, и тут же задержали.

Весть о дезертирстве Русакова взбудоражила всю часть. Как это могло случиться? Ведь, кажется, он был таким тихим, исполнительным. За все время службы у него не было ни одного замечания. Солдаты, которые вместе с Русаковым полгода назад прибыли в часть, ходили по казарме повесив головы. Никто из них не мог объяснить причины, побудившей Русакова нарушить воинскую присягу. Для каждого из этих парней служба

в армии была заветной мечтой. И когда они в новенькой ладной форме впервые прошли строем по улицам, им казалось, что весь город любуется молодецкой выправкой воинов. Но вот, оказывается, затесалась в их ряды паршивая овца...

А в это время командир части, сдерживая гнев, беседовал с Русаковым. Командир знал, что ему не избежать серьезных объяснений. И действительно, случай был исключительный. Но сейчас, в эту минуту, невольно забывая о том, как лично для него обернется дело с дезертирством, офицер старался понять, что же творится на душе у солдата. С удивлением читал он обрывок письма, найденный у Русакова:

«В Святом Писании сказано, что раньше люди шли в армию, чтобы защищать благочестие. А сейчас армия защищает царство антихриста. Поэтому мой совет тебе — не служи антихристу, а лучше посвяти себя богу».

Под письмом стояла подпись: «Твой духовный отец — инок Мина».

— Кто же такой этот Мина? — спросил офицер.

Русаков долго молчал, мялся, но потом все же ответил:

— Это «ИПХС».

Не раз и не два еще беседовали с Русаковым люди, которые искренне хотели помочь ему осознать свою тяжкую вину. И он наконец подробно рассказал о том, что такое «ИПХС» и как попал он под влияние «инока Мины».

Те, кто слушал Русакова, были крайне поражены. Трудно было поверить, что все, о чем говорил Геннадий, произошло в наши дни, — таким диким и несуразным казался его рассказ о тайнах «ИПХС».

3

Жительница города Джамбула Мария Ивановна Богатырева была очень удивлена, когда ее вызвали к следователю. Но еще больше поразилась она, узнав, что следователя интересует... история ее замужества.

— Да что вы, в самом деле! — в сердцах сказала она, поправляя под платком седые пряди. — Мне ли, старухе, вспоминать об этом. Когда это было? Лет три-

дцать пять тому назад... Да и жили мы всего года четыре. Ушла я от Богатырева. Хоть и не принято о покойниках худое говорить, но никудышный был он человек.

— А разве Богатырев умер? — спросил следователь.

— Умер, батюшка, умер... Мне об этом его родной отец говорил.

И Мария Ивановна поведала, что, выйдя замуж за Богатырева, она полной мерой хлебнула горя. Он был по профессии учитель, но работать ленился, а одна она, конечно, не могла прокормить семью. Поэтому и ушла от него с двумя дочками. Потом она пыталась найти Богатырева, чтобы взыскать с него алименты на содержание детей. Вот тогда-то, в 1934 году, отец Богатырева и сказал ей, что сын умер. Одну дочь она схоронила в раннем возрасте, а другую, Татьяну, вывела в люди. Дочка окончила институт, и она, Мария Ивановна, давно уже стала бабушкой.

Следователь пригласил Богатыреву в соседнюю комнату.

— Скажите, пожалуйста, — сказал он,— вы случайно не знакомы с этим человеком?

Навстречу Марии Ивановне поднялся со стула лобастый мужчина с бородой. Она взглянула на него, и ей на мгновение почудилось, что в комнате рухнул потолок.

— Алексей?! Ты?..

Успокоив Марию Ивановну, следователь спросил:

— Ну как, гражданин, теперь будем говорить?

Бородач опустил голову, боясь встретиться глазами с плачущей женщиной, и зло процедил сквозь зубы:

— Чистая работа. Ваша взяла...

Алексей Богатырев, распустив слухи о своей мнимой смерти, женился вторично. Но и эту жену бросил с ребенком. В 1941 году его призвали в армию. В августе под Смоленском был легко ранен. Из госпиталя в свою часть не вернулся.

С тех пор — 22 года! — дезертир и двоеженец Богатырев Алексей Григорьевич (он же Серафимов Мина Михайлович, он же Яблонский Алексей Григорьевич, он же «инок Мина») жил на нелегальном положении. И все эти долгие годы Богатырева скрывала, кормила, обильно снабжала деньгами сеть «ИПХС».

4

На след «инока Мины», а также старца Варлаама удалось напасть после незначительного на первый взгляд происшествия, приключившегося на одной из окраин Алма-Аты.

...Вдоль горного склона полого сбегает улица, застроенная добротными домами. Крытые шифером крыши весной неразличимо теряются среди бело-розовой пены цветущих яблонь. Живут на этой улице рабочие с окрестных заводов, учителя, водители троллейбусов, пенсионеры, и один из них, старый мастер, ветеран войны, у себя в палисаднике выращивает дивной красоты гладиолусы. Живут мирно, дружно, не таясь друг от друга, не отгораживаясь непроглядными заборами.

С некоторых пор здесь появился высокий плечистый мужчина с пшеничными усами. Новосел приобрел по сходной цене один из домов, как раз по соседству с мастером, любителем цветов. Назавтра вся улица знала, что это — Карлин Виктор Васильевич, электросварщик домостроительного комбината. Каким-то непостижимым образом стало известно, что он — одинокий, трезвый, некурящий, и эти обстоятельства даже вызвали некое волнение среди незамужних обитательниц. Кто-то видел, что Карлин ловко орудовал электросваркой на новостройках юго-западного района города, и о нем утвердилось мнение как о работящем положительном человеке. Все ждали, что вот он устроится, обживется на новом месте и приведет в дом молодую хозяйку.

Но жениться Карлин явно не спешил. По утрам он степенно шел на работу, а вернувшись, сидел сиднем у себя дома, один в четырех стенах. И вроде бы в гости к нему никто не захаживал, и в кинотеатре или в парке вечерами его не встречали.

Отшельнический образ жизни Карлина не на шутку встревожил рабочего мастера — пенсионера. В одну из дождливых ночей, когда проснулись вдруг старые раны, он заметил огонек на чердаке у соседа. Сначала подумал, что у Карлина, должно быть, прохудилась крыша и тот затеял срочный ремонт. Но спустя несколько дней в темную звездную ночь снова замелькал огонек. Заметил он и другое: во дворе у Карлина к вечеру появляются бумажные мешки с цементом, доски, кучи щебня. Все

это исчезало с восходом солнца, и Карлин, как обычно, неторопливо шел к автобусной остановке, отправляясь на комбинат.

Пенсионер хотел было поговорить с Карлиным начистоту, выложить ему все напрямик: что ты, дорогой товарищ, скрываешь от людского глаза? Этот же вопрос собирались задать Карлину и другие соседи. Кое-кто из них даже видел, как во двор к электросварщику в поздний вечерний час прошмыгнули две тени. Вот тогда-то с общего согласия соседей мастер и принял решение: Карлина пока не тревожить, ничего ему не говорить. Жизненный опыт подсказал бывшему фронтовику, что за странным поведением Карлина кроются серьезные дела.

Так благодаря бдительности жителей одной из улиц Алма-Аты следственные органы заинтересовались Карлиным. Уже первая, деликатно проведенная проверка показала, что он имеет какое-то отношение к «ИПХС».

— Что же такое «ИПХС»? — спросил Мухамеджан Киртаев, один из руководителей следственных органов. В кабинете у него собралась группа сотрудников, которым необходимо было разобраться с загадочным поведением Карлина. Они тогда еще не представляли всей сложности предстоящей работы и были несколько удивлены тем, что Киртаев, судя по всему, придавал этой истории столь большое значение.

— «ИПХС»? — переспросил Михаил Черкасов.— Это слово можно расшифровать так: «Истинно православные христиане странствующие».

— Правильно,— согласился Киртаев.— Но мы с полным основанием можем сказать и другое... «ИПХС» — это тщательно законспирированная, строго централизованная организация, которая под прикрытием религиозной деятельности занимается разнузданной антисоветской пропагандой.

И он коротко рассказал об истории создания «ИПХС». Эта история связана со старообрядческой сектой «бегунов», или «странников», существующей со времен церковного раскола, с середины XVII века. Но как политическая организация, ведущая активную идеологическую борьбу с Советской властью, секта «ИПХС» в ее нынешнем виде возникла в 20-х годах. Именно тогда в ее подполье скрылись недобитые белогвардейцы, офицеры Деникина и Колчака, а позднее влилась и часть ку-

лацких элементов. В 1925 году был создан рукописный сборник «Универс», ставший своеобразной библией сектантов. Было известно, что в последующие годы этот сборник систематически пополнялся новыми материалами, переписывался от руки и даже перепечатывался на пишущих машинках. Но ни разу еще не попадал «Универс» на глаза непосвященного человека. Как зеницу ока берегли сборник руководители «ИПХС». Однако отдельные разрозненные листы «Универса» все же были прочитаны, и по ним легко можно было представить, какой характер носила вся сектантская библия. «Универс» учил своих приверженцев: во дни царства антихриста истинно православные христиане ни о чем мирском не должны заботиться, как только сохранять свою веру неповрежденной. Печати в паспортах, разъяснял «Универс»,—это печати антихриста. Поэтому истинно православные христиане после святого крещения забывают старое имя и берут новое, они живут вне этого официального мира и подчиняются лишь требованиям своей религии.

Кое-что было известно и об укладе секты, которая в полном смысле слова заживо хоронила своих приверженцев в глубоком подполье. Уклад «ИПХС» разительно напоминал взаимоотношение пчел и трутней. Только пчел безропотных, лишенных жала, а трутней жадных, ненасытных, не ведающих, что такое стыд и совесть. Члены секты делились на две части. Здесь были так называемые «нелегалы» и «благодетели». «Нелегалы» — это те, кто бросал семью, сжигал документы, менял имя и уходил в «странствие», ибо «истинно православные христиане,— как учил «Универс»,— должны странствовать, подобно Христу». В специально построенных тайниках, «кельях», «нелегалов» содержала другая часть секты — «благодетели». Это были, так сказать, люди «второго сорта». Им милостиво разрешалось иметь паспорта, жить вместе с семьей и, конечно, трудиться. Только заработок, весь без остатка, они должны были отдавать своим духовным наставникам.

— Карлин, скорее всего, относится к числу «благодетелей»,— сказал Киртаев.— Все признаки говорят о том, что он спешно оборудовал тайник. Кто же там будет прятаться? Как вы знаете, после ликвидации нелегальных школ секты в Тюлькубасе и Янги-Юле выплыли

имена Варлаама и Мины. Варлаам — это руководитель «ИПХС». Он — старый человек и собирается передать дела своему помощнику Мине. Эти двое держат в своих руках все нити, ведущие к подземельям, где укрываются «нелегалы». Наша задача — вскрыть разветвленное подполье секты. И учтите, товарищи, речь главным образом идет о том, чтобы вызволить из беды людей, которые в силу различных обстоятельств попали в липкие сети «ИПХС». Понимаете? Нам надо помочь этим людям снова увидеть свет...

А улица на предгорной окраине Алма-Аты, тихая, вся в зелени садов, жила своей обычной жизнью. Кажется, ничто здесь не изменилось. Все так же по утрам спешил рабочий люд к автобусной остановке, и одним из первых приходил сюда Карлин. Вечерами, отдыхая, люди сидели на завалинках, а старый мастер в полосатой пижаме допоздна копался в палисаднике среди своих гладиолусов.

И Карлин, возвращаясь домой, не догадывался, что десятки глаз теперь настороженно следят за каждым его шагом. Весь план разоблачения Карлина и поимки главарей секты был построен на большом доверии к честным советским людям, жившим по соседству с «благодетелем». После бесед с сотрудниками следственных органов они в общих чертах знали, что представляет собой Карлин. Они понимали: без их помощи нелегко будет вывести на чистую воду этого сектантского приспешника. Они знали и о том, что дело не в одном Карлине. Надо было проследить его связи с подпольем, где томились в духовном плену люди, одурманенные религиозными пережитками. И никто из жителей этой улицы не отказался помочь.

Однажды вечером, когда горные склоны потонули в густых сумерках, возле дома Карлина остановилась автомашина. Все подходы к дому были заранее перекрыты. Вдоль забора и на заднем дворе, в тени деревьев, стояли добровольные помощники чекистов.

Карлин старался не показать вида, что взволнован неожиданным посещением.

— Значит, один живете?

— Один...

Но уже при беглом осмотре дома были найдены солидные запасы муки, мешки с крупой, целые связки вя-

леной рыбы. А когда отодвинули сундук от стены, открылся замаскированный лаз.

— Да тут настоящая гостиница!— воскликнул Черкасов, заглянувший в подпол. — А ну выходи по одному!

Вспыхнули белым светом «юпитеры», тихо зарокотал мотор киноаппарата. Все происходящее тщательно фиксировалось на кинопленку. Щурясь от яркого света, из подпола выползали взлохмаченные, бородатые люди: согнутый дугой старик с хищным взглядом, еще один бородач, крутолобый, в ермолке, и еще один, помоложе. Этот был с куцей общипанной бородкой. Потом, пряча глаза, полезли женщины, старые и молодые, в глухих монашеских одеяниях, с бледными, изнуренными лицами.

Документов ни у кого из них не оказалось. Самый старый сказал, что его зовут Варлаам. Лобастый назвался Миной, а с куцей бородкой заявил, что его фамилия Ильин. Просто Ильин, без имени. Зато у женщин не было фамилий. Были одни лишь имена, звучавшие как заклинания сказочного чародея.

— Гаафа,— прошелестела одна бескровными губами.

— Ниамфора,— едва слышно выдохнула другая.

В доме Карлина, в тайниках на чердаке и под печкой, были спрятаны сотни книг, рукописных тетрадей, тоненьких брошюрок с убористым машинописным текстом. Среди них сразу же обратила внимание толстая самодельная книга в красном сафьяновом переплете. И хотя у нее не было заглавия, нетрудно было догадаться, что это и есть пресловутый «Универс».

Следователю Николаю Петровичу Ловягину довелось довольно близко познакомиться с «Универсом». С первых же страниц книги пахнуло такой дремучей стариной, что у него в памяти невольно встал образ протопопа Аваакума. И словно потянуло вдруг дымной гарью и ожили кликушеские крики старообрядцев времен Петра, принимавших мученическую смерть на кострах во славу жестокого, не ведающего жалости божества. Но чем дальше приходилось углубляться в «Универс», тем все бледнее становился облик неистового раскольника, и на смену ему во всей своей неприглядной наготе проступала гадкая, трусливая, визжащая в страхе и бессильной злобе душонка анонимного автора этой сектантской библии. Его бормотание, облеченное в нарочито вязкий церковный язык, преследовало вполне конкретные цели.

На чем свет стоит поносил «Универс» Советскую власть и коммунистов вкупе со всеми «безбожниками».

Нелегкое дело досталось Ловягину и его товарищам по работе Юрию Сотникову и Георгию Кислянскому. Предстояло со всей скрупулезностью восстановить биографии людей, задержанных в доме Карлина, выяснить, какую роль каждый из них играл в сектантском подполье.

Старец Варлаам сначала отказывался отвечать на вопросы. И только после очной ставки со своей бывшей послушницей Маргаритой он весьма неохотно заговорил. Еще до революции примкнув к «ИПХС», Варлаам, он же Перевышин Григорий (Василий) Николаевич, за всю свою долгую жизнь не знал, что такое труд. Достигнув со временем высокого положения в секте, став «старейшим преимущим», он, несмотря на преклонный возраст, сновал по всей стране, сколачивая звенья «ИПХС». По инициативе Перевышина в 1960 году в Новосибирске и в 1963 году в Алма-Ате созывались нелегальные «соборы». Главари секты съезжались на эти тайные сборища, соблюдая все правила конспирации. На «соборах» принимались обращения к членам «ИПХС», назначались новые руководители так называемых «пределов», обсуждались вопросы подготовки кадров проповедников, особенно из числа молодежи. Для них было создано несколько подпольных школ. Там шла неприкрытая обработка сектантов в антисоветском духе. Будущим проповедникам внушалась мысль о том, что все духовное богатство социалистической культуры — это миф. Даже полеты в космос расценивались как проявление «гордыни», которую-де неминуемо настигнет «божья кара».

Образ мыслей фанатика и матерого тунеядца Перевышина, этого живого осколка старого мира, был ясен до конца. Сложнее обстояло дело с Карлиным и Ильиным. Оба — сравнительно молодые люди. Первый служил в армии, второй, оказавшийся, кстати, Васильевым Александром Андреевичем, учился в индустриальном техникуме. Карлин, который в начале следствия тщетно симулировал помешательство, заявил затем, что происходит из религиозной семьи и потому, мол, беспрекословно подчинялся старцу Варлааму.

А Ильин-Васильев на четвертом курсе, перед самой защитой диплома, случайно столкнулся с ловким пропо-

ведником и целиком уверовал вдруг в непогрешимость «Универса». Так, по крайней мере, объяснял он свою принадлежность к «ИПХС». Видимо, Ильин-Васильев, обуреваемый честолюбием, рассчитывал в будущем занять в секте один из руководящих постов. Он старательно изучал сектантскую литературу, составляя к ней собственные комментарии. Это его рукой была сделана такая весьма характерная запись: «Не один Нерон и Диоклитиос, гонители христиан, могли называться предателями, антихристами, а многие другие заслуживают это имя — революционеры всех красок, коммунисты».

В голове недоучившегося студента был полнейший сумбур. Его однажды спросили: как он мыслит себе общество, если допустить, что оно полностью состояло бы из истинно православных христиан? Они ведь ничего не производят. Он невнятно пролепетал: «По мере возможности...»

Зато четко представлял себе, куда ведет «ИПХС», ближайший сподвижник Перевышина «инок Мина». Пухлый здоровяк в ермолке держался на допросах вызывающе.

— Зовут меня Мина, остальное не помню.

— Пусть будет Мина,— соглашался следователь Юрий Сотников и заводил, казалось бы, совершенно отвлеченный разговор о погоде, о том, как хорошо в летнюю пору бродить рано утром по лесу, собирая бруснику.

— Вы любите бруснику, Мина?

По едва уловимым, случайным обмолвкам удалось установить, что Мина родом с Урала и что он не так прост, как хочет казаться. И когда перед ним вдруг явилась его бывшая жена, он не выдержал:

— Ваша взяла...

А сколько труда стоило Сотникову, чтобы разыскать эту женщину, чтобы выявить темный, извилистый путь дезертира Богатырева, ставшего одним из самых рьяных деятелей «ИПХС». Это он толкал на преступление Геннадия Русакова и собирался принять от Варлаама сан «старейшего преимущего», это по его прямому указанию размножались грязные пасквили, изрыгавшие яд ненависти ко всему советскому. В конце концов полностью разоблаченный, Богатырев заявил: «Приходится признать, что мы засорили свое учение сплошной антисоветчиной. И подвергаемся мы наказанию не за религию, а

за то, что клеветали на Советскую власть, не подчинялись требованиям государства, проживали без документов, без прописки. В этом признаю себя виновным».

Подлинный бой с мракобесами вели следователи во главе с Н. П. Ловягиным. Свою главную цель они видели не только в том, чтобы доказать антисоветскую сущность сектантского учения. Для этого достаточно было бы одного знакомства с изъятой литературой. Разоблачая «ИПХС», они ни на минуту не забывали о том, что где-то в глубоком подполье страдают ослепленные религией рядовые члены секты. Взвешивая каждый факт, сопоставляя порой самые незначительные детали, они упорно искали тропы к этому подполью. И в Челябинске, в Бийске, в Джамбуле и Фрунзе один за другим раскрывались подземные убежища «нелегалов».

Правда, не так уж много жертв увязло в паучьих тенетах «ИПХС». Но все они к моменту выхода из подполья являли собой крайнюю степень морального и физического опустошения. Землистые лица, угасшие глаза, робкие, неуверенные движения, будто они разучились ходить по земле... После бесед с ними вставала потрясающая картина изуверского насилия, царившая в смрадных бункерах. Здесь существовал порядок беспрекословного подчинения младших старшим, устанавливался бдительный контроль, «контроль над жизнью». Малейшее нарушение правил влекло за собой жестокое наказание, вплоть до лишения пищи на длительный срок. Запрещалось все: подать весточку родным и близким, поднять с пола обрывок «антихристовой» газеты, обратиться за помощью к врачу в случае болезни. Только изнурительный пост да многочасовые моления были уделом «нелегалов».

А параллельно с расследованием шла кропотливая работа, в которую наряду с чекистами включились комсомольские организации ряда предприятий Алма-Аты, учителя школ рабочей молодежи. Эта работа требовала предельной чуткости, большого такта и просто искреннего человеческого участия. Бывшие члены «ИПХС» снова приобщались к жизни. И вот уже сбросила монашескую накидку и вернулась к семье проповедница Градислава, стали к станку и сели за парты вечерней школы Зинаида Дикарева и Мира Струнникова. Полной грудью вдохнули наконец чистый воздух и другие «нелегалы».

И может быть, самой высокой, самой бесценной наградой для всех, кто принял живое участие в судьбе этих людей, были слова Маргариты Творцовой, аппаратчицы Новокузнецкого металлургического комбината, прозвучавшие в зале, где судили главарей «ИПХС».

— Я будто воскресла из мертвых! — воскликнула она звенящим от волнения голосом. И переполненный зал словно взорвался таким мощным гулом, что сидящие на скамье подсудимых Перевышин, Богатырев, Ильин-Васильев и Карлин опасливо пригнулись, не смея поднять глаза.

Затаив дыхание слушал зал рассказ Творцовой о скитаниях по кельям, о том, как были вычеркнуты из ее жизни семь бесконечно долгих лет. Еще более горькая доля досталась ее старшей сестре Надежде. Лишения, затворническое прозябание в бункерах привели к тому, что она заболела туберкулезом и ее были вынуждены поместить на излечение в больницу.

Главарей «ИПХС» судили по всей строгости наших законов. Судили за то, что они посягали не только на свободу, на достоинство, но и на жизнь десятков людей, заживо хороня их в своем мрачном подполье.

Из немыслимой тьмы веков вынырнула изуверская секта «ИПХС», распространяя смрад суеверий. И снова сгинула. Теперь уже навсегда...

═ ★ ═

ПЛАТА ЗА СТРАХ

1

Развернувшись, Вейц ударил его наотмашь по щеке.

— Ты хотел нас обмануть? Грязная свинья...

Вейц кричал, требуя сказать правду, суетился, хватаясь за кобуру, но его глаза за толстыми стеклами пенсне были по-прежнему холодными и равнодушными. И это было самое страшное: спокойные, чуть навыкате глаза, словно подернутые маслянистой пленкой.

— Становись к стенке.

Гулко рванул выстрел под сводами бункера, и пуля сочно чмокнула кирпич рядом с головой. И тогда он не выдержал. Упал на колени, обхватил голову руками и с воем пополз к ногам Вейца.

— Не надо! Не надо!..

А Вейц больно ущипнул его за плечо и вдруг заговорил испуганным женским голосом:

— Вась, что с тобой? Вася!

Денисов открыл глаза. В предрассветных сумерках белело над ним встревоженное лицо жены. И тотчас страх когтисто схватил сердце. Неужели он проговорился во сне? Что она слыхала, о чем догадалась? Господи, кончится ли это когда-нибудь?

По многолетней привычке сразу стряхнув дрему, он с нарочитой ленцой потянулся и коротко зевнул:

— Да так... Померещилось.

Целый день Денисов ходил, словно пришибленный. Отпуская продукты для кухни, он уронил мешок и рассыпал крупу. Повариха, полная женщина с морковными щеками, участливо сказала:

— Вы сегодня совсем рассеянный, Василий Яковлевич. Уж не прихворнули ли?

Снова сжалось в тревоге сердце. И что эта толстуха лезет к нему? Теперь пойдет звонить по всей столовой— заболел, мол, кладовщик. Начнутся расспросы.

Выпроводив повариху, Денисов долго сидел в кладовой, бесцельно перебирая пачку накладных с лиловыми росписями. Да, сказываются годы. А ведь раньше он был куда смелее. Мотался по всей стране с «липой» в кармане, и все ему было трын-трава. Лишь одного боялся — встречи ненароком с кем-нибудь из тех, кто прошел выучку у Вейца.

Домой он возвращался обычно тихими проулками, огибая за несколько кварталов Зеленый базар, где у прилавков, заваленных грудами румяных яблок, всегда кипела толпа. Это тоже стало привычкой — обходить стороной базары, не появляться лишний раз на улице.

— Нелюдимый он у меня,— пожаловалась однажды жена соседке.— В кино силком не затянешь. Уткнется в газеты — и все тут.

А он, подслушав случайно этот разговор, горько усмехнулся. Нелюдимый... Что она знала-то о нем? Когда познакомились, сказал только, что вся родня погибла в войну. Потому, наверное, и полюбила, что прикинулся одиноким.

...На перекрестке под светофором была разбита клумба. Алые канны пылали на ней, точно факелы. Ему бы пройти за версту отсюда. Но он уже не в первый раз за последнее время сворачивал за угол и шагал мимо длинного серого здания с окнами, затянутыми шторами.

Шагал по тротуару, принимая озабоченный вид, а чувство было такое, словно пробирается он узенькой тропкой над каменистой пропастью. Чуть оступишься — и загремишь вверх тормашками, полетишь, ломая ребра, в темень, в студеный мрак, к черту на рога.

— Нет, только не сегодня,— думал он, ускоряя шаг.

А назавтра снова будто какая-то неведомая сила толкала его в спину, и он сворачивал на перекрестке к серому зданию, и горящие канны на клумбе казались ему погребальными свечами.

Он отчетливо, до мельчайших подробностей представлял, как это произойдет.

Вот дверь. Тяжелая, с тугой неподатливой пружиной. Сбоку — небольшая вывеска. По черному блестящему стеклу золотыми жуками расползлись буквы: «Прием-

ная КГБ при Совете Министров Казахской ССР». Потянет дверь, войдет и скажет: «Я — шпион».

А что потом?

Вейц говорил, что потом — конец. Прихлопнут без лишних слов. Раз шпион, значит, амба!

Нет, не забыл он, как в глухой полуночный час фашистские охранники пинками сбросили его с койки и волоком потащили в бункер. Тогда Вейц, грозя пистолетом, устроил проверку. Испытывал, сволочь! Он так и сказал:

— У вас слабые нервы, господин Завьялов. А разведчик — это человек с железной волей. И учтите— назад пути отрезаны. Как это говорят там у вас, у русских? Взялся за гуж — полезай в кузов.

Вечером после ужина Денисов присел на низенькой скамейке рядом с беседкой, укрытой кустами белой сирени. Дымил сигаретой, растирал твердыми пальцами скользкий лист и глядел, как синяя звездочка дергалась среди веток, будто птица в силке. Надвигалась ночь. Но ложиться он не спешил, знал: опять придут беспокойные, больные сны.

Сирень отцветала. Роняя тронутые тленом белые крестики, она источала пряный аромат. Словно собрав последние силы, посылала прощальный привет людям, расставаясь с ними до будущей весны. И этот запах, тревожный и сладкий, будоражил душу, волновал до слез.

Вот такая же сирень цвела в палисаднике родительского дома, там, далеко-далеко, в Ясной Поляне.

Эх, завязать бы судьбу веревочкой, махнуть на все и — на поезд!

И в ночной тиши вставало перед ним лицо матери — смятое скорбью, с растрепанной седой прядкой, горестно выбившейся из-под платка. Таким запомнилось оно в тот день, когда уходил на фронт. А за неделю до этого принесли похоронную на отца. Выбежав навстречу колхозному почтальону, Марьяше Новиковой, мать только кинула взглядом по листку и рухнула тут же, в палисаднике. Еле отходили к утру.

На передовую он попал с маршевым батальоном месяца через три, после короткого, но нелегкого обучения в Тоцких лагерях. Ехали в теплушках по заплатанным на живую нитку путям. Под Харьковом стойко потянуло дымной гарью, а над горизонтом заиграли неугасающие

сполохи. На одном полустанке эшелон простоял до утра и на заре угодил под бомбежку. И не знает он, как скатился с насыпи, как очутился в степной балке. Когда все стихло, вернулся к эшелону, с ужасом косясь на воронки от бомб.

Пожилой рябоватый солдат подсобил взобраться в вагон и, подсаживая, озорно шлепнул по спине:

— Не робей, земляк! На войне поначалу всегда страшно.

Он было хотел улыбнуться в ответ, но его колотила мелкая дрожь, и он только крепче стиснул зубы.

Остальное помнил смутно. С наспех отрытых окопов по свистку все бросились вперед. Он бежал по кочковатой степи с рыжими плетями пожухлой травы, и не то дым, не то туман застилал глаза. Над ним с режущим свистом, с воем и скрежетом проносился горячий ветер и раздавались иногда отрывистые хлопки. Совсем как на речке в селе, когда бабы полощут белье и бьют по воде тугими жгутами.

Рядом с ним кто-то падал, захлебываясь криком, кто-то яростно и отчаянно сыпал матерщиной, а у него в стиснутой огненным обручем голове стучала только одна мысль: вот сейчас... Сейчас убьют... Убьют!..

И с разбегу, отбросив в сторону винтовку, он ткнулся головой в размытую дождем глинистую ложбинку. От влажной травы вдруг как-то чудно и странно пахнуло детством. Той невозвратно отлетевшей порой, когда он хлопчиком стерег в ночных росных лугах колхозных лошадей.

Так пролежал он до той минуты, пока не услышал чужую речь:

— Хенде хох!

Над ним стоял худенький немец с усталым лицом, серым от пыли. Немец поигрывал в руках обструганным прутиком и внимательно глядел, как он подымался с земли, шатаясь на ватных ногах. Автомат у немца с потной, отполированной до блеска рукояткой свисал с тонкой шеи, точно диковинная сбруя.

— Шнеллер, шнеллер... — сказал немец негромко, без злобы в голосе и до обидного буднично, будто погоняя бессловесную скотинку, легонько стеганул прутом чуть пониже спины.

2

Утром за завтраком Денисов обычно наскоро пробегал глазами заголовки свежей газеты и, сунув ее в карман, спешил в столовую. Потом у себя в кладовой, управившись с делами, аккуратно прочитывал весь номер.

Но сегодня, развернув клейкие листы, он едва не вскрикнул. Ножом полоснул по сердцу заголовок: «Рейнгард Гелен — военный преступник»..

В небольшой заметке говорилось о том, что в ГДР опубликованы материалы, разоблачающие преступное прошлое шефа западногерманской секретной службы. В архивах фашистского министерства иностранных дел нашлись документы, с головой выдававшие Гелена, бывшего руководителя отдела шпионажа в верховном командовании сухопутных сил вермахта. Он, оказывается, входил в состав особого штаба СД, который ведал допросами и организацией расстрелов советских военнопленных солдат и офицеров.

Наверное, это показалось бы довольно странным, если бы кто-нибудь узнал о том, что скромный кладовщик из Алма-Аты уже не первый год внимательно следит за всеми появляющимися в печати сообщениями о карьере бывшего гитлеровского генерал-лейтенанта. «Человек без лица», «Наследник Канариса», «Серая рука»... Он мог бы с ходу рассказать о наиболее броских деталях биографии Гелена. О том, как тот сдался в плен американцам, передав им из рук в руки картотеку агентурной сети «абвера», как ездил в США на встречу с руководителем ФБР Эдгаром Гувером, как стал заправлять секретной службой Западной Германии — «Бундеснахрихтендинст». И хотя после окончания войны Гелен старательно избегал фотообъектива, что и дало повод газетным репортерам назвать его «человеком без лица», все же единственная четкая фотография, относящаяся к 1944 году, была опубликована, и Денисову показалось, что он вроде бы узнал этого остролицего немца.

С тех пор Денисов жил под двойным страхом. Он ни на секунду не сомневался в том, что рано или поздно советская контрразведка дознается о его связях с Вей-

цем. Но еще больше, чем неминуемое разоблачение, его пугало другое. А вдруг явится кто-нибудь с той, чужой стороны и спросит:

— Вы Виктор Завьялов?

Судьба столкнула его с остролицым немцем в конце 1943 года, в кабинете коменданта лагеря военнопленных под Перемышлем.

Тогда он был не Денисовым и не Завьяловым. Он был Иваном Малыхиным, замордованным крестьянским пареньком в рваной гимнастерке и деревянных бахилах. Пока попал под Перемышль, прошел с пяток лагерей, удивительно похожих один на другой. Колючая проволока, сторожевые вышки, ощерившиеся дулами пулеметов, серая, в камень сбитая тысячами ног земля... И люди, как тени, с голодными, в смертельной тоске глазами.

В лагере то и дело раздавались выстрелы и обрывались чьи-то муки. По ночам на нарах пленные делились последней затяжкой махорки, перевязывали раны и шептались до утра, страстно мечтая о побеге. А он испуганно молчал и забивался в угол, подальше от этих разговоров. Он лебезил перед охраной, ловчил, изворачивался, стараясь «закосить» лишнюю миску с брюквенной бурдой и выжить. Главное — выжить! Любой ценой. Только бы не загнуться...

В Перемышле ему повезло: определили поваром на лагерную кухню. Может быть, произошло это потому, что он решился на кощунственную ложь. Разговорившись по душам со старостой барака, богомольным кержаком из-под Зыряновска, он сказал, что происходит якобы из семьи раскулаченного и у него, мол, имеются личные счеты с Советской властью. Сказал не моргнув глазом. Лишь поежился, вспомнив тяжелую руку отца, бессменного председателя колхоза Якова Фроловича, люто ненавидевшего ложь.

— Тебе, паря, одна дорога,— сказал кержак,— в РОА, к Власову.

Но у него хватило ума сообразить, что эта дорога неотвратимо ведет на Голгофу. Он не хотел идти к власовцам не потому, что крепок был духом и боялся зачернить свою совесть каиновой печатью. Просто его пугал фронт. Снова воевать, да еще против своих? Тогда — пощады не жди. А в лагере, как ни горька доля, можно

переждать лихое время. А там, глядишь, все как-нибудь обойдется, перемелется. Лишь бы в живых остаться.

Вон татарин, крымчак. Может, поди, жить хочет. Каждое утро и вечер он становится в закутке барака на оторванную полу шинели и поясно кланяется своему богу. Только и слышно: «Алла... алла...»

Приходили к нему в папахах с золотыми полумесяцами на шевронах. Долго уговаривали поступить в Туркестанский легион. Не согласился... Татарина тут же избили в кровь, пинками загнали под нары. И больше всех норовил ударить староста, кержак. А вечером еле живой — смотреть страшно! — выполз татарин наружу, упал на колени и забормотал молитву. Да так жалостно, будто заплакал. И откуда у него, избитого, силы взялись?

Украдкой наблюдая за татарином, Малыхин приметил: сам-то молится и вроде рыдает, а лицо такое, словно собирается кого-то ножом пырнуть. Уже давно это лицо — сухое, бронзовое, с едва приметной полоской рыжих усов — казалось Малыхину знакомым. Где он встречал его? Когда впервые увидел? Или это так, одно наваждение?

И вдруг вспомнил.

Это было на станции, куда дотащился растрепанный бомбежкой эшелон с маршевым батальоном. По перрону, распоряжаясь, метался высокий рыжеватый командир в ладной гимнастерке со шпалой в петлицах. Если его команду выполняли не сразу, он сердился и как-то странно ругался, длинно и непонятно.

Выгрузившись из вагонов, солдаты присели в холодке под стенами вокзала рядом с настежь растворенным окном. Малыхин услышал обрывок разговора:

— Товарищ старший политрук, это вы по-каковски чешете? По-еврейски, что ли?

— Да нет! — отвечал тот со смехом. — Это я по-татарски. Я ведь, знаете ли, из Крыма. С татарчатами в бабки играл. А с нашим братом у муллы и у раввина одно было обхождение. В общем, родственники!

Старшего политрука кликнули к телефону. И вроде бы даже фамилию назвали. Не то Рабинович, не то еще как...

Так вот он какой «татарин»!

Много лет спустя, вороша в памяти проклятые дни плена, Малыхин-Денисов всякий раз с тайной гордостью думал о том, что он в ту пору не взял лишнего греха на душу, устоял, не поделился с кержаком своими догадками. А ведь он тогда же заметил, что пленные обычно шептались на нарах там, где лежал «татарин».

Отсидеться на лагерной кухне не удалось. Отсюда он прямиком угодил в самое что ни на есть пекло.

Однажды за ним явился переводчик, тонкий как жердь немец.

— Эй, кашевар! Прошу до пана коменданта.

Он так и обмер, уронив черпак. И, только ощутив крепкий тычок в спину, понял наконец, что его зачем-то требует сам комендант!

В кабинете пахло ароматным табаком. Переводчик, как вошел, щелкнул каблуками и вытянулся у двери, бросив по швам свои непомерно длинные жилистые руки. Толстый комендант в фуражке и при всех регалиях с непривычно заискивающим выражением на лице стоял за креслом. В кресле, закинув ногу за ногу, сидел незнакомый остролицый немец в армейском мундире и, должно быть, большого чина. Он в упор уставился бесцветными колючими глазками в Малыхина.

Сначала через переводчика спрашивал комендант. Как попал в плен? Раненый или добровольно сдался? Откуда родом, где учился?

Торопливо отвечая, Малыхин лихорадочно соображал: к чему бы этот допрос? Неужто его хотят силком завербовать в РОА? Остролицый немец, морща высокий лоб, поинтересовался, какое хозяйство было у отца, когда его раскулачили?

— У отца? — переспросил Малыхин, чертыхая в душе кержака. Это он, не иначе, нашептал про «раскулаченного». И напропалую стал молоть о десятинах, о рысаках в яблоках и о шатровых хоромах под железной кровлей. Так в его представлении должен был выглядеть рассказ о кулацких богатствах.

Внимательно выслушав сбивчивую речь Малыхина, остролицый вопросительно взглянул на переводчика. Тот коротко отбарабанил ответ, словно кинул горсть гороха. Тогда немец, вытянув ноги в начищенных до блеска сапогах и по-прежнему брезгливо морща лоб, сказал, а переводчик, почтительно погасив голос, растолковал Ма-

лыхину, что ему выпала большая честь. Ему предлагают поступить на службу для выполнения особых заданий германского военного командования. В случае добросовестного отношения к делу и безусловной преданности, ему гарантируют возвращение в восточных землях всего хозяйства отца и, кроме того, будет выплачено щедрое денежное вознаграждение.

Малыхин затравленно молчал, оглушенный ударами сердца. Так вот оно что! Вот, оказывается, куда его сманивают! И чем больше он молчал, тем все сумрачнее становилось лицо коменданта. Отказаться? Не миновать тогда зондерблока. А то и сразу пустят в расход. Это у них скоро делается. Вон, жирный зверюга, как насупился.

Остролицый немец удивленно вскинул брови. Переводчик, перехватив выразительный взгляд коменданта, прошипел:

— Ну ты, быдло!..

И Малыхин, внутренне махнув на все рукой, присел на краешек стула и подписал обязательство служить «верой и правдой» германскому рейху.

3

По ночам, истерзанный кошмарами, он чаще всего вспоминал Вейца. Его немигающие, будто замороженные, глаза, неправдоподобно увеличенные стеклами пенсне, мягкую кошачью походку, его белые холеные руки с золотым перстнем. Занозой засел в памяти этот человек, который был «крестным отцом» Виктора Завьялова.

Уже при первой встрече, замыкая массивную дверцу сейфа с документами, Вейц сказал:

— Малыхин умер, исчез... Понимаете? Теперь вы — Завьялов, Виктор. Родился на великой русской реке Волге, в Ульяновске. Раньше — Симбирск. Так, кажется? Нет ни папы, ни мамы. Сирота... У нас еще будет время поговорить об этом подробнее. А сейчас зарубите себе одно: легенду выучить назубок! Как это там? Чтобы комар носом не подкачал!

Заведение Вейца размещалось в окрестностях Кенигсберга, в уютных с островерхими черепичными крышами коттеджах. Редкие сосны на песчаных дюнах неумолчно гудели под крутым морским ветром, устилая землю игла-

ми. По этому пружинистому ковру днем и ночью бродили вооруженные эсэсовцы. И Малыхину поначалу казалось, что он опять попал в лагерь. Разве только не было здесь сторожевых вышек с пулеметами, да кормежка была куда сытней.

С боязливым любопытством он всматривался в окружавшую его обстановку, мучительно стараясь предугадать: что ожидает его впереди? Сразу же после беседы с Вейцем ему устроили экзамен. Он стрелял по мишеням из пистолетов различных образцов, прыгал через наполненные водой рвы, карабкался на сосны. Потом на несколько секунд ему показали большую фотографию воинской части, заснятой на марше. Надо было быстро ответить, какой это род войск, чем кроме винтовок вооружены солдаты, сколько в колонне орудий и танков. Обладая цепкой памятью, он довольно успешно справился с этой задачей.

— О, превосходно! — воскликнул Вейц и согнутым пальцем больно ударил по голове Малыхина: — Башковитая башка...

Началась учеба. Небольшими группами, по два-три человека, вновь завербованные агенты знакомились с устройством портативных радиопередатчиков и приемами тайнописи, учились затяжным прыжкам с парашютом и отрабатывали методы бесшумного нападения на часовых. Вместе с Малыхиным занимался Николай Лесовский, высокий худощавый парень с хрящеватым носом. В свободные минуты он брал гитару и тихо напевал то тягуче-тоскливые, то разухабисто-удалые блатные песни. Иногда ему подтягивал светловолосый Владимир Антонов. А низенький подвижной Иевлев и рыжий коренастый Огоньков молча сражались за шахматной доской. Особняком держался Хомутков, круглолицый полный мужчина лет тридцати пяти. Малыхин понимал, что все они носили вымышленные имена и, должно быть, как и он, попали к Вейцу, пройдя обработку в лагерях для военнопленных.

Из инструкторов особенно запомнился некий Павел Романович. Он носил галифе с малиновыми лампасами и требовал, чтобы к нему обращались не иначе как «господин генерал». Ровным, бесстрастным голосом читал он лекции о структуре и вооружениях советских войск, показывая свои несомненно обширные познания в этой

области. Вглядываясь в его лицо с тщательно припудренными мешочками под глазами, Малыхин испытывал сложное чувство.

«У, гад! — думал он, загораясь ненавистью.— Продажная шкура... Наверное, ты был на большом посту в Красной Армии, если так хорошо знаешь, что она собой представляет. За сколько же тебя купили, иуда?» И, невольно поражаясь этим неожиданным мыслям, Малыхин тут же с горечью думал о том, что сам-то он, пожалуй, не лучше Павла Романовича. И становилось ему до того тошно, хоть в петлю лезь... А может быть, есть выход? Что, если явиться с повинной? Может быть, простят? Эх, только бы очутиться среди своих!

Ему однажды показалось, что Вейц разгадал его намерения. Это было в ту ночь, когда охрана затолкнула его в бункер и Вейц с пистолетом в руке допытывался, не собирается ли он нарушить свое обязательство перед рейхом. Не сразу смекнул Малыхин, что его просто хотят взять на бога. А догадавшись, прикинулся испуганным, покорным...

На другое утро Малыхин и Хомутков уже были на борту «юнкерса». Им предстояло спуститься с парашютами за линией Первого Украинского фронта и по рации регулярно передавать в радиоцентр сведения о войсках. Эти сведения должен был добывать Малыхин, одетый в форму лейтенанта. На попечении Хомуткова оставалась рация.

Но после того как Малыхин бросился с парашютом навстречу укрытым ночной тьмой лесам, он Хомуткова больше не видел. Как же быть? Подойти к первому встречному советскому офицеру и чистосердечно рассказать о своем преступлении, обо всем, что стало ему известно в заведении Вейца? Малыхин понимал, что принесет немалую пользу и в значительной степени искупит свою вину, если поступит именно так. Но когда он, осторожно раздвигая ветки, пробирался по лесу, его снова охватил страх. А вдруг не поверят, не простят? И, поспешно сорвав с плеч лейтенантские погоны, он избрал другой путь.

Перед военным комендантом города Ровно предстал солдат с тощим вещевым мешком.

— Отстал в походе от своей части.

— Фамилия?

Он назвал первое, что пришло в голову:

— Денисов. Василий Яковлевич.

Время было огневое, тут уж не до проверки, коль сам явился.

На это он и рассчитывал. С ближайшей маршевой ротой его послали на фронт, и почти на 20 лет под фамилией Денисова скрылся Иван Малыхин, который в секретных списках немецкой разведки имел еще одно имя — Виктор Завьялов.

Он воевал с бесшабашной отчаянностью, хватаясь за самые рискованные дела. И не то чтобы искал он смерти в бою. На передовой, под выстрелами он просто забывал о том, что терзало душу в минуты затишья: как дальше жить? Судьба так лихо его крутанула, что ему вдруг открылась иная мера жизни. Он понял, что жизнь порой бывает хуже смерти, если на сердце держишь невысказанную постыдную тайну. И еще: кидаясь в атаку, он словно видел перед собой крестный путь от Харькова до Перемышля, видел тоскующие глаза людей, умиравших в лагерях за колючей проволокой. Но теперь он сжимал в руках автомат, а впереди была цель, был враг. И, вскидывая автомат, он с холодной яростью открывал огонь, и ему казалось, что бьет он прямо в пенсне Вейца, и в припудренные мешочки Павла Романовича, и в толстого коменданта из Перемышля, и в того остролицего немца, с которым встретился в кабинете коменданта в тот недобрый день.

А самого его пуля не брала. И когда ему вручали медаль «За отвагу», когда командир роты хвалил его перед строем за воинскую смекалку и находчивость,— все это было правдой. Тут ни прибавить, ни убавить... Отлично воевал солдат Василий Денисов!

Но отгремели бои, и после демобилизации будто снова проснулся в нем Иван Малыхин со своей зябкой душой. Страх гонял его по городам и весям, из Калининграда на Кубань, с Кубани в Казахстан. Наконец он осел в Алма-Ате, женился, стали подрастать дети. А покоя все не было. И все чаще, особенно в ночную пору, исчезал Денисов, испуганно прятался Малыхин, а в лихорадочных снах всплывал темный облик Завьялова, агента «абвера».

Наутро он вставал с непреклонной решимостью разом покончить со всем, прийти в КГБ и откровенно расска-

зать о своем прошлом. Но этой решимости хватало ненадолго. Направляясь к серому зданию, он всякий раз невольно вспоминал Вейца и думал о том, что в лучшем случае ему придется не один год смотреть на белый свет сквозь решетчатое окно.

Конец сомнениям положила газета. «Под чужим именем» — так называлась статья, которую он прочитал залпом, не отрываясь. Григорий Близняков, работник одного из совхозов Северо-Казахстанской области, делился с читателями своими переживаниями. Во время войны он сотрудничал с оккупантами, служил полицаем. Потом ему удалось скрыться, и около двух десятков лет он жил под чужой фамилией. Однажды его спросили: собирается ли он сменить паспорт? «Какой такой паспорт?» — прикинулся непонимающим Близняков. И тут выяснилось, что его тайна уже давно была раскрыта и в соответствующих органах только ждали, когда же он сам додумается прийти с повинной.

«Советское правительство,— писал Близняков,— нашло возможным простить меня и не привлекать к ответственности за совершенное преступление. Я снова вернулся к своей семье, только теперь под своим настоящим именем, и буду до конца своих дней благодарить наше правительство за это прощение и своим честным трудом постараюсь загладить и искупить свою вину. Может быть, это письмо прочтут люди, которые так же, как и я, скрывают свое прошлое. Я говорю им: не бойтесь! Идите и расскажите о себе всю правду. Вы снова сможете открыто смотреть в глаза людям, сможете начать новую жизнь».

«Так ведь это обо мне!» — подумал он, стискивая в волнении руки. Как же поступить? Явиться? А трусливые малыхинские мыслишки нашептывали: не верь, это ловушка! Может, и действительно стоит смотаться в Северный Казахстан, посмотреть со стороны: есть ли там Близняков и правда ли, что его не взяли?

Потом, глубоко вздохнув, точно перед прыжком в ледяную воду, решил: будь что будет!

Перед тем как идти, он кое-что рассказал жене. Она долго не понимала, о чем он говорит, и, растерянная, тихо плакала и все допытывалась:

— Как же теперь звать-то тебя, изверг?

Он долго лежал без сна, соображая, что ему завтра взять с собой, чтобы быть готовым ко всему. Жена молча ворочалась рядом, потом затихла. «Уснула»,— подумал он, но она вдруг встрепенулась и ясным, звенящим от тревоги голосом спросила:

— А женат ты не был?

— Не был... Не был,— повторил он, улыбаясь в темноте, и ласково обхватил ее теплые плечи: — Спи...

4

— Разрешите?

Капитан Панченко лишь час назад принял дежурство. Отложив газету, он внимательно оглядел посетителя, мысленно прикидывая, какая нужда привела его в приемную КГБ?

— Пожалуйста, проходите...

У посетителя была самая заурядная внешность: курносое лицо, темно-русые, коротко остриженные волосы, круглые карие глаза с чуть приметной хитринкой. Но после того как этот человек, с такой обычной внешностью, тяжело опустился на стул, он повел отнюдь не обычную речь:

— Я... шпион.

Капитан постарался скрыть удивление. Не часто приходилось ему слышать подобное заявление от посетителей. Но он знал, что, если человек пришел сюда с такой тяжкой ношей, то его прежде всего надо ободрить, вселить уверенность в том, что он сделал единственно верный шаг, явившись в КГБ с повинной. А посетитель, видимо, заметил удивление капитана. Он хмуро усмехнулся и добавил:

— Бывший...

И вот он торопливо рассказывает о себе и удивляется, почему капитан ничего не записывает. К добру ли это? Только один раз, когда называл клички агентов, обучавшихся у Вейца, капитан попросил поточнее обрисовать их внешность и что-то чиркнул в блокноте.

— Так вот я и жил,— сказал он, уронив голову и ожидая, что сейчас раздастся суровый, непременно суровый, будто напитанный железом голос: «Пройдемте, гражданин!»

— Хорошо,— сказал капитан.— Зайдите к нам через недельку. Вас это не затруднит?

Его поразил не только тон. Его буквально потряс сам характер вопроса. Если просят зайти, значит, его отпускают? Значит, прав был Близняков! Волнение, сжигавшее его все эти дни, отхлынуло от сердца, а глаза вдруг стали влажными...

При следующей встрече капитан первым делом показал ему фотографию:

— Узнаете?

— Хомутков! — вскрикнул он и подумал, что все-таки правильно поступил, явившись сюда по собственной воле. Здесь, оказывается, знали о Хомуткове и наверняка в недалеком будущем раскопали бы и «Завьялова».

Еще не раз беседовал он с капитаном Панченко. Он уже твердо знал, что его не посадят. Знал и то, что из всей родни в Ясной Поляне осталась одна мать.

— Куда же вы теперь? — спросил капитан, подписывая Малыхину последний пропуск на выход из здания Комитета.

— На вокзал, за билетом,— ответил Малыхин.— Ведь мать-то считает, что меня давно нет в живых...

Перед окном кабинета Панченко высился старый дуб с корявым, иссеченным временем стволом. Капитан видел, как Малыхин, выйдя из Комитета, прислонился к дереву, словно у него отказали ноги. Постоял немного и быстро, не оглядываясь, пошел вниз по улице, к перекрестку, где под светофором на клумбе жарким огнем догорали канны.

— Эх ты, шелопутная головушка! — сказал Панченко и в сердцах захлопнул коленкоровую папку с бумагами Денисова-Завьялова.

Капитан подумал о том, о чем думалось всякий раз после встречи с такими людьми, как Малыхин. Он подумал об отзвуках минувшей битвы, все еще разносившихся над миром бесконечным эхом. Кажется, уже все подсчитано: сколько жизней угасло на полях сражений и в концлагерях, сколько осталось инвалидов и неутешных вдов. И только один счет пока еще не закрыт — счет исковерканных, загаженных и растленных фашизмом человеческих душ. Капитан Панченко знал, что в наши дни кое-кто не прочь снова прибрать к рукам это гнусное и, может быть, самое коварное наследие гитлеризма.

И еще подумал капитан о том, что вот через пару дней приедет Малыхин в Ясную Поляну, где живет его

мать, Анна Савельевна. Какими же глазами посмотрит он в лицо этой старой русской женщине, какими словами станет объяснять свою неправедную и кривую жизнь?

Наверное, горько и обидно будет матери за своего сына, нестерпимо стыдно за те слезы, которыми омыла она его мнимую гибель на фронте. Но, должно быть, в материнском сердце найдутся силы, чтобы простить его. Непутевый, изломанный страхом, с тяжким грузом запоздалого раскаяния, а все же сын... И может, скажет она:

— Велик твой грех, Иван, перед людьми. Ходить с позором негоже. Трудись. И труд облагородит твою душу.

А может, не скажет ничего. Но и немой материнский укор позовет горемычного сына к самому святому делу на земле — труду на счастье людей.

═ ★ ═

СЕКРЕТ «УРАНА»[1]

1

Выстрел прозвучал неожиданно тихо. В копне сена, черневшей впереди, словно чиркнули спичкой и раздался негромкий хлопок. «Как из пугача», — подумал Городецкий и тут же сообразил, что это, конечно, не безобидная детская игрушка, а скорее всего, револьвер и тот, в копне, видимо, целил прямо в него.

Упав на землю, Городецкий резанул короткой очередью из автомата по верху копны. Впереди снова брызнул огонек, и пуля сердитым шмелем пролетела над головой.

«Еще убьет, сволочь!» Томясь душой, Городецкий теснее прижался к земле, подминая телом колкие бодылья. Он бил в темное небо, отвлекая на себя внимание человека с револьвером, и сухой треск автомата безжалостно кромсал ночную тишину.

Копна вдруг зашевелилась, разваливаясь по сторонам. Раздался яростный крик, Городецкий рывком бросился вперед.

У копны боролись. Музафаров и Алимбаев успели незаметно подползти сзади и теперь с трудом сдерживали здоровенного парня в рваной солдатской шинели.

— Ну, ты... Спокойно! — приказал Городецкий, угрожающе вскидывая автомат. При свете карманного фонарика он разглядел заросшее щетиной лицо неизвестного, его расширенные страхом глаза.

— Ах, паразит!.. — сказал низенький Музафаров, тяжело переводя дыхание, и ловко стал скручивать парню руки волосяной веревкой.

---

[1] В основу этого повествования положены некоторые действительные события, происходившие летом и осенью 1942 года. Автор лишь изменил фамилии отдельных лиц.

Несколько дней искал Городецкий этого человека. Время было тревожное. Здесь, в заволжской степи, осень в 1942 году выдалась холодной, ветреной, с частыми косыми дождями. В начале октября лихо разыгрался буран, и с озер необычно рано, будто чувствуя дыхание суровой зимы, поднялись в дальнюю дорогу стаи казарок. А может быть, их спугнула канонада? Все явственнее слышался с запада орудийный гул, не умолкавший ни днем ни ночью. И хотя битва шла за добрую сотню километров от этих мест, Ивану Афанасьевичу Городецкому, начальнику оперативной группы НКВД, порой казалось, что он даже различает у горизонта полыхающее зарево.

С приближением фронта к Волге в западные районы области из Уральска направили несколько оперативных групп. В группу Городецкого входили два пожилых милиционера. С этими силами он и должен был действовать на участке, территория которого лишь чуть уступала Бельгии. Но потому и послали сюда Городецкого, что знакома ему была каждая тропа среди барханов Нарын-песков, каждое урочище в Чижинских разливах. Родом из казачьего выселка Коловертное, Городецкий еще в молодости исходил все междуречье. Он багрил красную рыбу под Гурьевом, ломал соль в Баскунчаке, а в пойме Большого Узеня, богатой травами, гонял пугливую сайгу. И думать не мог Городецкий, что ему доведется когда-нибудь прислушиваться здесь к отзвукам артиллерийской стрельбы и видеть над степью чужие самолеты с черными зловещими крестами.

Задание оперативной группе поставили довольно расплывчатое: обеспечить охрану глубокого тыла фронта. Вряд ли Городецкий преуспел в этом деле с двумя милиционерами, если бы у него не было добровольных помощников. Колхозные чабаны с отдаленных пастбищ, табунщики конезаводов, сельские почтальоны, бакенщики с Урала и шустрые школьники из прибрежных станиц — все они бдительно следили за каждым незнакомцем, появлявшимся в степи в эти беспокойные дни, и вести о подозрительных пришельцах тут же доходили до Городецкого. Так он узнал и о парне в рваной шинели, который бродил по чабанским зимовкам, широко пользуясь традициями степного гостеприимства.

Недосуг было разбираться, кто это — просто дезертир или какой-нибудь фрукт похлеще. Городецкий решил направить задержанного с милиционерами в поселок Фурманово, в райотдел НКВД. Передав Музафарову на всякий случай автомат, он сказал, что будет дожидаться их возвращения на ферме колхоза «Правда».

Вот почему начальник опергруппы оказался один в ту минуту, когда на ферму влетел наметом на взмыленном жеребце Сакен, тринадцатилетний внук старого Рахимбека.

— Дядя Иван! — закричал он, увидев Городецкого. — Рахике сказал, чтоб вы скорее к нам ехали.

— А что у вас там? Или бесбармак подгорел? — пошутил Городецкий.

— Какой бесбармак? — не понял Сакен. — Ой, дядя Иван! Нехорошее дело у нас...

Из сбивчивого рассказа парнишки Городецкий понял, что два дня назад в урочище Азнабай, где обосновался на зимовку с отарой Рахимбек, пришли два молодых казаха. Раньше их здесь никогда не видели. О себе они ничего не говорят, но и уходить из землянки чабана, судя по всему, не собираются.

Иван Афанасьевич давно знал Рахимбека, участника гражданской войны, бывшего бойца Первого казахского красного кавполка. И если Рахимбек счел необходимым послать за ним, значит, были у него для этого веские причины.

Не мешкая, Городецкий стал седлать коня.

В урочище они приехали в сумерках. Матерый волкодав молча кинулся под ноги Городецкому. Из землянки выглянул Рахимбек. Отогнав собаку, он многозначительно подмигнул Ивану Афанасьевичу. Городецкий расстегнул под полушубком кобуру пистолета и шагнул к дверям.

— Салям алейкум! — сказал он, переступая порог.

В землянке ярко горела керосиновая лампа. Айше, жена Рахимбека, сидела на корточках у начищенного медного самовара и разливала по пиалам крепкий чай. За дастарханом, подмяв под бока подушки, полулежали двое мужчин. Один из них, полный, в гимнастерке без петлиц, с круглым рябоватым лицом, поспешно ответил:

— Алейкум салям!

Другой, в мятом пиджаке, длинный и тощий, с жесткими усами над вывернутой губой, неприветливо оглядел Городецкого и молча кивнул головой.

Городецкий присел у дастархана поближе к рябоватому и, скидывая с плеч полушубок, постарался прикрыть полой пистолет. Краешком глаза он заметил, что Рахимбек примостился рядом с усатым гостем, и в руках чабана будто невзначай оказалась камча.

Разговор не клеился. Полный казах, льстиво улыбаясь, попробовал пошутить насчет ненастной погоды, которая, мол, загнала их в землянку Рахимбека и привела таким образом к знакомству с приятными людьми. Но его товарищ зло бросил:

— Перестань кляцать!

Блатное словечко резануло слух, и Городецкий подумал, что имеет дело с обычными уголовниками. Подлаживаясь под их тон, он спросил напрямик:

— Откуда топаете, ребята?

Усатый косо взглянул на Ивана Афанасьевича.

— А ты кто? Легавый?

— Ну, зачем так грубо...— Городецкий собрался, точно перед прыжком, нащупал под полой полушубка рукоятку пистолета: — Я сотрудник НКВД.

Рябоватый отпрянул, словно от удара. А его товарищ неторопливо опустил пиалу с чаем и спокойно сказал:

— Оно и видно. Плохо пушку прячешь, начальник. Вот, учись...

И не успел Городецкий пошевельнутся, как усатый молниеносно выхватил из-под пиджака парабеллум и кинул его на дастархан. Рябоватый казах с побелевшим лицом последовал его примеру. Он задрал гимнастерку и стал дрожащими пальцами отстегивать ремень с кобурой.

Желтая кобура и черный, отливающий синевой парабеллум так и лежали на дастархане все время, пока говорил усатый. А говорил он чуть ли не до рассвета...

Гости Рахимбека оказались родом из Южного Казахстана. О своей жизни до войны усатый, назвавшийся Карабердиевым, не особенно распространялся. Но Городецкий догадывался, что Карабердиев и полный рябоватый Акбулатов, по-видимому, довольно близко были знакомы в прошлом с уголовным кодексом. Он

так и не понял, где они впервые встретились — то ли в одном из мест заключения, то ли под Смоленском в пехотной части. По словам Карабердиева, оба они глубокой осенью 1941 года попали в окружение и сдались немцам.

В лагере для военнопленных, расположенном в окрестностях Витебска, Карабердиев и Акбулатов были завербованы немецкой разведкой. Сначала их определили в Туркестанский легион, но потом направили в Бобруйскую разведшколу. Здесь около полугода они изучали радиодело, отрабатывали приемы затяжных прыжков с парашютом. Окончательная шлифовка агентов проходила в разведывательно-диверсионном центре в немецком городе Люкенвальде. Отсюда в сентябре 1942 года их на самолете переправили в ближайший тыл шестой немецкой армии. Спустя несколько дней Карабердиева и Акбулатова, снабженных портативной рацией, оружием и фальшивыми документами, сбросили с парашютами в заволжской степи. Они должны были пробраться к линии Южно-Уральской дороги и регулярно передавать информацию о движении воинских эшелонов.

Приземлившись километрах в пяти от урочища Азнабай, они спрятали в камышах безымянного озера рацию, закопали парашюты и вышли к землянке Рахимбека. Карабердиев сказал, что оба они решили при первой же возможности явиться с повинной. Но трусоватый Акбулатов все уговаривал его повременить, и поэтому они так долго загостились у чабана.

Городецкий слушал Карабердиева не перебивая. Только однажды он спросил:

— Значит, вас было двое?

— Двое, — поспешно ответил Карабердиев, и в самой этой поспешности, и в том, как бросил он украдкой предостерегающий взгляд на Акбулатова, Городецкому почудилась фальшь.

Смутное беспокойство уже не покидало Ивана Афанасьевича. Когда совсем рассвело, он вместе с Карабердиевым, Акбулатовым и Рахимбеком выехал на конях к озеру. Рацию, упакованную в два металлических ящика, и парашюты нашли быстро. Городецкий собрался ехать прямо в Фурманово, надеясь по пути встретить своих милиционеров. Но мысль о том, что Карабердиев

что-то скрывает, не давала покоя. И, усаживаясь поудобнее в седле, он еще раз спросил:

— Так, значит, вас было двое?

Карабердиев хотел было вскочить на коня, но так и замер у стремени. Сплюнув в сердцах сквозь зубы, он сказал:

— Эх, начальник!.. Не хотел путать дружка, да, видно, придется. Раскалываться, так до конца. Был с нами еще один. Бекбатыров...

И Карабердиев сообщил, что этот Бекбатыров и должен был возглавить группу. Он присоединился к ним в Люкенвальде. Из разговоров с ним Карабердиев понял, что тот давно служит у гитлеровцев и уже не раз переходил линию фронта. Сбросили Бекбатырова где-то здесь, в Заволжье. Они условились перед выброской, что если сразу не найдут его, то затем встретятся в окрестностях Уральска, в Ханской роще.

Положение для Городецкого неожиданно осложнилось. Он должен был как можно скорее поставить в известность о случившемся управление НКВД, и в то же время надо было немедленно по свежим следам организовать поиски главаря шпионской группы.

Выручил Рахимбек.

— Поезжай, Иван, — сказал он. — Я поищу этого Бекбатырова.

Городецкий с радостью согласился:

— Хорошо, Рахике. Только смотри — будь осторожен. Он, видать, матерый зверь.

— Ничего. Поезжай. — И Рахимбек, поправив за плечом охотничье ружье, тихонько тронул поводья своей мохнатой лошаденки.

Городецкий молча проводил глазами чабана. Тот неторопливо трусил вдоль берега озера, и его рыжий лисий малахай еще долго огненно мелькал среди сухих зарослей камыша.

Широка и безбрежна степь. Но у нее свои законы и обычаи, свой ритм жизни. И вряд ли затеряется в степи человек, если только его не застигнет внезапно буран или свирепый мороз. Он обязательно встретит кого-нибудь на дороге либо попросится на ночлег. И весть об этом с быстротой молнии будет передаваться из уст в уста по всей округе.

Все это давно было известно Городецкому. Только одного не знал он, провожая взглядом удалявшегося всадника. Он не знал, что видит Рахимбека в последний раз.

2

Обогнув зеленый массив парка Тиргартен, «оппель-капитан» медленно выехал на безлюдную набережную Ландверского канала. В грязноватой воде отражались старые каштаны. Разморенные июльской жарой, они вытянулись шеренгой вдоль пустынной набережной, точно императорские гренадеры на плац-параде. В тени каштанов прятались особняки с богатыми лепными украшениями на фасадах, построенные в том вычурном архитектурном стиле, который был популярен во времена кайзера. Между этими нарядными коттеджами особенно нелепо выглядело мрачное четырехэтажное здание с окнами, забранными толстыми решетками.

— Вас ждать, герр оберст? — почтительно спросил шофер, притормаживая у подъезда.

Щуплый полковник в мешковатом мундире, с мелкими невыразительными чертами лица встрепенулся. Слова шофера вывели его из глубокой задумчивости.

— О да... Конечно ждать.

Он хотел добавить, что, по-видимому, недолго здесь задержится, но промолчал. Полковник генерального штаба вермахта Рейнгард Гелен и сам толком не знал, когда и как закончится его визит к хозяину этого неприветливого здания.

Всю дорогу из Цоссена, где размещались службы генерального штаба, он мучительно соображал, чем вызвано неожиданное приглашение к адмиралу Канарису. Несомненно, оно было связано с выдвижением Гелена на важный пост в генштабе. Приказ о его назначении начальником отдела «Иностранные армии Востока» неделю назад подписал сам фюрер, и об этом, безусловно, знал Канарис, всесильный и вездесущий шеф «абвера». Но интуиция подсказывала Гелену, что адмирал, пожалуй, неодобрительно относится к его выдвижению. Ведь в отделе «Иностранные армии Востока» он сменил толстого, неповоротливого полковника Кинцеля, известного своей личной преданностью шефу «абвера». Поэтому у

Гелена были все основания полагать, что в лице Канариса он встретит грозного врага, который при удобном случае не преминет испортить ему карьеру.

В подъезде угрюмый фельдфебель военной полиции, затянутый черными ремнями портупеи, придирчиво осмотрел удостоверение Гелена. Потом, ни слова не говоря, нажал кнопку звонка.

По широкой, устланной ковром лестнице спустился моложавый полковник.

— Прошу вас, — сказал он, жестом приглашая Гелена последовать за ним. Они шли гулкими коридорами мимо глухих дверей без указательных табличек, шли мимо молчаливых часовых, расставленных чуть ли не через каждые двадцать метров, и Гелену порой казалось, что он попал в тюремный замок.

Ощущение тревоги усилилось, когда он очутился наконец в маленьком пустоватом кабинете. Из-за стола поднялся невысокий человек с румяным лицом и совершенно седыми волосами. На его сухопарой фигуре ловко сидел отлично сшитый костюм из тонкой синей фланели. Кончик белого платка кокетливо выглядывал из кармана пиджака.

Гелен узнал Вальтера Вильгельма Канариса.

— Добрый день, дорогой полковник, — приветствовал тот гостя.

Гелен щелкнул каблуками, всем своим видом подчеркивая, что он безмерно рад встрече с адмиралом. Впервые он познакомился с ним в самом начале польской кампании, в штабе злополучного генерала Фрича[1]. С тех пор Канарис почти не изменился. Разве только его беспокойные черные глаза, предательски выдававшие неарийское происхождение шефа «абвера», стали немного тусклыми.

— Пожалуйте сюда, — сказал Канарис, пододвигая кресло к низкому столику в углу кабинета.

Радушие адмирала еще больше насторожило Гелена. В его мягких кошачьих движениях ему почудилась поступь хищника, заигрывающего со своей жертвой.

[1] Генерал Вольфганг Фрич — главнокомандующий вермахта в период нападения фашистской Германии на Польшу. По некоторым предположениям, был убит выстрелом в спину из-за своих разногласий с Гитлером по военным вопросам.

— Так мы с вами теперь коллеги, дорогой полковник?

— Ну что вы, ваше превосходительство. Это для меня слишком большая честь.

— Нет, нет... Не скромничайте. Мне говорил генерал Гальдер, что у вас исключительные способности к разведке. — И, непринужденно улыбаясь, Канарис добавил: — А ведь вы в молодости, кажется, собирались стать профессором математики?

Гелен внутренне вздрогнул. Последняя фраза Канариса была ужасной. Она свидетельствовала о том, что в «абвере» заведено секретное досье на Гелена и Канарис перед встречей с ним несомненно освежил в своей памяти некоторые детали биографии нового начальника отдела «Иностранные армии Востока». Но эту фразу можно было понять и так: «Мне все известно о вас, полковник Гелен. Не вздумайте же строить каверзы. Для вас будет лучше, если вы станете работать в тесном контакте с «абвером».

Догадываясь, куда клонит Канарис, Гелен рассыпался перед ним в комплиментах. Он восхищался вкладом «абвера» в победы германского оружия и, пожалуй, излишне напыщенно распространялся о широко известной преданности адмирала великому фюреру. Гелен и сам почувствовал, что хватил через край. Но тут же решил, что эти неумеренные дифирамбы можно отнести на счет солдатской прямолинейности. К тому же Канарис, кажется, не принимал всерьез слова полковника. Он внимательно слушал Гелена, но в уголках его пухлых губ пряталась двусмысленная улыбка.

Подняв холеную женственную руку с тщательно отполированными ногтями, Канарис мягко прервал Гелена:

— Ах, господин полковник! Работа в разведке требует огромного напряжения сил. Вы это скоро поймете сами. Позвольте же мне дать вам несколько дружеских советов...

И Канарис сжато сформулировал основную задачу, которая, по его мнению, стояла перед отделом «Иностранные армии Востока». Прежде всего — это всестороннее изучение Красной Армии. Представление о ней, как о колоссе на глиняных ногах, безнадежно устарело. Такими иллюзиями могут теперь себя тешить разве

лишь одни крикуны из ведомства доктора Геббельса. А разведчика должны интересовать факты, и только факты. Наиболее надежный путь добывания фактов — агентурная разведка. И Гелену стоит подумать над тем, чтобы агентурной разведкой занялись непосредственно в соединениях вермахта.

— Моя служба поможет вам, — сказал Канарис. — Я уже распорядился, чтобы к вашему отделу подключился штаб Валли.

Гелен не смог скрыть удивления. Слова Канариса глубоко поразили его. Он знал, что под кодовым названием «штаб связи Валли» маскировалось центральное оперативное управление «абвера» на Восточном фронте. Что же означал сей щедрый жест адмирала? Какую игру затеял этот хитрющий потомок мелкого торговца, вознесенный судьбой на один из высших военных постов третьего рейха?

Канарис с явным удовольствием разглядывал ошарашенного полковника. Несколько минут длилось молчание. Каждый из собеседников точно старался предугадать будущее. А оно уже неотвратимо стояло на пороге кабинета Канариса.

Пройдет два года, и этот щуплый, невзрачный полковник приберет к своим рукам всю обширную агентурную сеть «абвера». Он еще не раз посмеется в душе над незавидной участью Канариса, который летом 1942 года, предчувствуя неминуемый крах третьего рейха, готовил почву для побега с палубы опасно накренившегося фашистского корабля. Его уже не интересовал Восточный фронт. Всеми своими помыслами Канарис устремился на Запад, где он не без основания рассчитывал на поддержку некоторых высоких чинов из управления стратегических служб США и английской «Сикрет интеллидженс сервис». Но, запутавшись в интригах и неосторожно раскрыв свои симпатии к англо-американской разведке, адмирал распрощался с жизнью в гестаповской тюрьме Флоссенбурга ровно за тридцать дней до окончания войны.

...Возвратившись в Цоссен, Гелен тут же вызвал своего ближайшего помощника подполковника Герхарда Весселя. Подробный рассказ о встрече с шефом «абвера» он заключил вопросом:

— Что вы думаете по поводу всей этой истории?

Вессель неопределенно пожал плечами:

— Кажется, адмирал любезно уступает нам все хлопоты, связанные с Восточным фронтом.

— Не только хлопоты, — возразил Гелен и привычным движением раскрыл планшет с картой. Он был возбужден, взволнован и не пытался скрыть этого от Весселя. В разыгравшемся воображении всплывали радужные картины. «Штаб связи Валли» располагался в Восточной Пруссии недалеко от ставки Гитлера «Вольфшанце». Таким образом, Гелен получал возможность приблизиться к фюреру и стать заметной фигурой в его ближайшем окружении. Ему было известно, с каким болезненным вниманием относился Гитлер ко всему, что касалось Восточного фронта.

На карте Восточный фронт извивался ломаной линией, испещренной синими стрелами. Острие одной жирной стрелы нацелилось на город в излучине Волги. А там, за Волгой, лежали великие азиатские степи. И, вчитываясь в причудливые надписи на карте, Гелен будто слышал в этих надписях голос самой истории. Ему виделись свирепые орды Чингисхана, проносящиеся с разбойным гиканьем и свистом на маленьких злых лошадях, он словно вдыхал острую гарь походных костров на древних караванных тропах и слышал яростные крики воинов Тамерлана, берущих приступом крепостные стены. Сюда, к этим овеянным легендами степям, теперь рвалась бронированная армада фюрера, и перед ней за Волгой открывался путь к сказочно прекрасным странам Востока.

— Нет, дорогой Вессель, нас ждут не одни лишь хлопоты, — повторил Гелен, радостно поблескивая глазами. — Я, конечно, не знаю, какую цель преследует Канарис, уступая нам «штаб Валли». Но мне думается, что адмирал еще не раз пожалеет об этом. Во всяком случае, мы постараемся выжать из «штаба Валли» все, что только можно. И в первую очередь надо позаботиться о расширении агентурной сети за Волгой... Вы завтра же отправитесь в Люкенвальде и попробуете отыскать среди тамошнего сброда нужных людей. Критерием при отборе должны служить два обстоятельства. Первое — принадлежность к тюркской расе и второе — безусловная преданность рейху. Вы поняли, Вессель?

— Так точно, герр оберст! — по-солдатски рявкнул Вессель, вытягиваясь перед своим начальником по стойке «смирно».

3

Размытая дождями вязкая дорога из Азнабая казалась Городецкому бесконечной, хотя от урочища до поселка Фурманово было всего километров тридцать. Он молча ехал позади своих спутников и неотрывно думал о Рахимбеке. Чем закончится поиск, предпринятый чабаном? Конечно, у него, местного жителя, пожилого человека, было немало шансов напасть, не вызывая подозрений, на след вражеского лазутчика. Но вдруг эта встреча не произойдет и Бекбатырову удастся улизнуть? Или, может быть, гитлеровцы сознательно пожертвовали Акбулатовым и Карабердиевым, стремясь отвести внимание чекистов от главного задания, которое поручено одному лишь Бекбатырову? Ведь не случайно же его сбросили отдельно от этих двоих.

У дальней околицы поселка, где на взгорке высилась старая ветряная мельница, Городецкий встретил наконец милиционеров. Не тратя лишних слов, он коротко рассказал им о случившемся, и Музафаров с Алимбаевым тотчас повернули коней к безымянному озеру. Они должны были отыскать Рахимбека и помочь ему задержать Бекбатырова.

А на другой день, в полдень, по этой же дороге, нахлестывая коня, мчался Городецкий.

За время, проведенное в поселке, он несколько раз связывался по телефону с Уральском. Ранним утром на выгоне за ветряной мельницей приземлился самолет. Вместе с заместителем начальника управления прилетел незнакомый человек в кожаном пальто. Не называя себя, он поздоровался с Городецким. Замнач, перехватив вопросительный взгляд Ивана Афанасьевича, тихонько шепнул: «Это — из Москвы».

В здании райотдела, выслушав подробный рассказ Городецкого о том, как были задержаны незваные гости Рахимбека, московский представитель первым делом осмотрел рацию. Потом он долго наедине разговаривал по очереди с Акбулатовым и Карабердиевым.

Напоследок в кабинет снова пригласили Городецкого.

— Вы уверены, что Рахимбек отыщет Бекбатырова?

Иван Афанасьевич помедлил с ответом. Он понимал, что вопрос задан неспроста. Видимо, и представителя из Москвы тревожили довольно туманные обстоятельства появления в заволжской степи этого гитлеровского агента.

— Твердой уверенности у меня нет, — сказал Городецкий. — Всякое может случиться... Но, думаю, Рахимбек все же не зря будет ездить.

Московский представитель помял пальцами подбородок и, прищурив глаза, откровенно оценивающим взглядом окинул Городецкого.

— Я не стану говорить, насколько важно нам найти Бекбатырова. Найти живого или мертвого. Понимаете? Мне говорили, что у вас есть семья, дети... И все-таки я вынужден сказать: если встретите Бекбатырова — умрите, но не дайте ему уйти.

Он поднялся из-за стола и шагнул к Городецкому, положив ему на плечо руку.

— Дорогой мой товарищ... Не могу я тебе всего рассказать. Не имею права. Но Бекбатырова ты мне достань. Любой ценой.

Иван Афанасьевич, тронутый задушевной простотой обращенных к нему слов, кивнул головой:

— Достану...

И вот он, опустив удила разгоряченного коня, несется знакомой полевой дорогой, и сырой ветер, сгребая с низких туч колючие капли дождя, горстями кидает их в лицо.

Легко было обещать московскому представителю — достану Бекбатырова. Но где искать в этой неоглядной, по-осеннему хмурой степи человека, о котором в записной книжке торопливо занесены всего две строчки: коренастый, коротко остриженный, слегка косит левым глазом, одет в черный ватник...

Под вечер Городецкий снова приехал в урочище Азнабай. Сакен и Айше, будто поджидая его, стояли у землянки. Но уже по тому, с каким волнением бросились они навстречу, Иван Афанасьевич понял, что напрасно он надеялся услышать здесь новые вести о Рахимбеке.

Немного передохнув, он собрался в путь. Сакен, помогая потуже затянуть подпругу седла, просительно тронул Ивана Афанасьевича за руку:

— Дядя Иван... Возьми меня с собой.

Городецкий обнял парнишку за плечи:

— Нельзя, сынок. Что будет делать одна Айше с овцами? Ты теперь здесь за старшего...

На глазах Сакена навернулись слезы. Но он сдержался, этот маленький гордый мужчина тринадцати лет, и ничего больше не сказал.

Поднявшись на гребень увала, Городецкий оглянулся. Внизу еле приметно горбилась землянка. В камышовой затиши ворочалась неразличимой серой массой овечья отара. А поодаль застыла фигурка Сакена, сына солдата и внука чабана, которому еще суждено было в эту тяжкую военную годину пройти немало горестных испытаний.

Два дня разъезжал Городецкий по степи, тщетно пытаясь отыскать Рахимбека или неизвестного с приметами Бекбатырова. «Не видели, не было таких», — отвечали ему и чабаны окрестных животноводческих колхозов, и табунщики Пятимарского конезавода. Зато на третий день дали о себе знать Музафаров и Алимбаев. Экспедитор райпотребсоюза, ехавший с обозом свежей рыбы, передал Городецкому записку. С трудом разбирая каракули Музафарова, который для вящей конспирации прибег еще и к иносказаниям, Иван Афанасьевич читал: «Шайтан подружился с лисой. Они идут пешком. Думаем догнать их в Карасу».

«Почему пешком? — недоумевал Городецкий. — Ведь Рахимбек, названный в записке «лисой», был на коне. А «шайтан» — это не иначе как Бекбатыров! Где же чабан встретил его? И какая нелегкая занесла их в аул Карасу, расположенный далеко в стороне от места предполагавшейся выброски агента?»

Но когда Городецкий добрался до Карасу, он уже не застал здесь ни Рахимбека с Бекбатыровым, ни своих милиционеров. Знакомый ветеринарный техник рассказал Ивану Афанасьевичу, что действительно два дня назад в ауле были Рахимбек и казах в черном ватнике. Они ни на минуту не расставались друг с другом, о чем-то все время втихомолку переговаривались и, переночевав, ушли. А следом приехали Музафаров и Алим-

баев. Не расседлывая коней, они тут же двинулись в степь.

— Куда в степь-то? — нетерпеливо спросил Городецкий.

— К озерам...

Недоброе предчувствие охватило Ивана Афанасьевича. Он хорошо знал эти гиблые места.

В эпоху грозной молодости Земли в междуречье Волги и Урала плескались волны древнего моря. Потом море ушло, оставив цепочку озер с горько-соленой водой. Теперь это царство перелетных птиц, камышовые джунгли, прорезанные редкими кабаньими тропами. Летом озера с белесыми от соляных отложений берегами ослепительно голубеют под солнцем, точно бесценные изумруды, вчеканенные в серебряную оправу. А осенью, разбухая от дождей, они превращаются в непроходимые солончаковые топи.

В одиноком зимовье у самой границы озерного края и встретил Городецкий милиционеров. Сначала им повезло. В первый же день они узнали, что Рахимбек и неизвестный казах ночевали в Карасу. След привел их сюда, к озерам. Здесь в последний раз видели чабана и его спутника.

— А больше их никто не встречал, — сказал Музафаров. — Пропали оба... Ездили мы вокруг — нет следа.

— Как это нет? — удивился Городецкий. — Под землю они, что ли, провалились?

— Не знаю, товарищ начальник. Только утром сам увидишь — нет следа...

С рассветом Городецкий и милиционеры отправились на поиски. Они долго пробирались мимо озер, сначала по едва приметной тропке, а потом и вовсе по бездорожью. Порой кони увязали по щиколотку в цепкой солончаковой грязи. Тогда они слезали и шли пешком, давая отдых лошадям.

Вдруг Алимбаев остановился, прислушиваясь.

— Ты чего? — спросил Иван Афанасьевич.

— Карги...

Вправо над камышами резко выделялись на фоне сумрачного, затянутого тучами неба медленно кружащие черные точки. То одна, то другая падали они в камышовые заросли, и вся воронья стая поднимала рассерженный гомон.

Городецкий и милиционеры, не сговариваясь, разом бросились к озеру. Там на берегу они увидели Рахимбека.

Красноватые, негреющие лучи осеннего солнца пробили тучи и тихонько блуждали вокруг распростертого на земле тела, будто пытаясь своей призрачной силой отогнать от него злых, глазастых ворон. Рядом валялось ружье. Когда Иван Афанасьевич, задыхаясь от душевной боли, бережно поднял чабана, он увидел на груди пятно запекшейся крови.

Смуглое лицо Рахимбека было спокойным. Словно он просто прилег, устав после долгого пути, да так и застыл в непробудном сне.

А в камышах, свесив к темной воде стриженую голову, раскинулся человек в черном ватнике. На спине у него зияла страшная рана. Такую рану мог сделать только выстрел из ружья, заряженного картечью на крупного зверя.

Много дней спустя, сопоставляя детали, Городецкий постарался восстановить картину трагедии, разыгравшейся на берегу озера.

Так и осталось загадкой, каким образом Рахимбек встретил Бекбатырова. Конь чабана отыскался на ферме отдаленного колхоза Урдинского района. Видимо, Рахимбек сумел завоевать доверие Бекбатырова и взялся вывести его на дорогу к Уральску. Стремясь затянуть время, он избавился от коня. Но вместо дороги на Уральск Рахимбек завел вражеского лазутчика в солончаковую топь. То ли разгадав намерения проводника, то ли в пылу разгоревшейся ссоры, Бекбатыров смертельно ранил Рахимбека. И тот в последнюю минуту своей жизни, собрав остаток сил, прицелился, и слабеющая рука успела нажать курок...

4

Человек в кожаном пальто, прилетавший в Фурманово, был одним из руководителей советской контрразведки. В те суровые дни, когда гитлеровская орда ломилась к Волге, полковник Грачев был в числе очень немногих людей, которые знали о предстоящей на советско-германском фронте операции под условным названием «Уран».

Первые наметки этой операции появились в Ставке Верховного Главнокомандования еще в августе 1942 года. Но вначале они преследовали довольно ограниченные цели. Только после того как в разработку операции включились высшие офицеры Донского, Юго-Западного и других фронтов, план «Уран» приобрел исключительную глубину и смелость стратегического замысла. То, что приписывалось одно время «гению Сталина», по сути дела явилось плодом коллективной мысли советских полководцев.

В окончательном варианте план операции «Уран» по своему значению, масштабам и способам действий войск не имел себе равных в истории. Контрнаступление на Волге намечалось осуществить силами трех фронтов. Оно должно было развернуться одновременно на 400-километровом участке и привести не только к окружению мощной группировки противника, но и к коренному перелому в ходе войны.

Но успех «Урана» в решающей степени зависел от того, насколько эффективными окажутся меры по обеспечению секретности подготовляемого контрнаступления. Прежде всего, надо было нейтрализовать вражескую разведку, сбить ее с толку, до последней крайности держать в неведении относительно предполагавшейся операции. Вот почему в Москве так заинтересовались агентурной группой Бекбатырова, выброшенной в заволжской степи.

У полковника Грачева уже после первой беседы с Акбулатовым и Карабердиевым возникла весьма заманчивая идея. Вернувшись в Уральск, он поспешил поделиться своими соображениями с руководством. Вскоре из Москвы поступила ответная шифровка: «С вашим планом согласны. Действуйте».

Но действовать полковник Грачев не мог. Не мог до тех пор, пока окончательно не выяснилась судьба главаря агентурной группы Бекбатырова.

Когда Городецкий, разбитый усталостью, с воспаленными от бессонных ночей глазами, привез наконец в Уральск труп Бекбатырова, полковник Грачев от души поздравил чекиста.

— Да нет, это не я, — тихо сказал Иван Афанасьевич, опуская голову и сдерживая рвавшийся к горлу комок. — Это Рахимбек...

Многое повидал полковник Грачев, многое испытал, командуя одним из самых боевых участков на фронтах тайной войны. Он хорошо знал людей, которые на долгие годы уходили в дальние дали, намертво обрывая все связи с прошлым, навсегда прощаясь с родными березами. Без тени страха шли они на верную гибель, стараясь проникнуть в секреты врага.

Но придет ли время, когда станут известны имена героев незримого фронта. Узнает ли эти имена народ, чтобы навечно сохранить их в своей памяти?

Так примерно думал полковник Грачев, с волнением слушая рассказ о подвиге колхозного чабана Рахимбека Байжанова.

В морге труп Бекбатырова по очереди показали для опознания Карабердиеву и Акбулатову.

— Он,— коротко сказал Карабердиев и сплюнул на цементный пол.

Акбулатов, взглянув на труп, затрясся в испуге и только молча закивал головой.

Теперь у полковника Грачева развязывались руки. По некоторым признакам он догадывался, что хозяином Бекбатырова является специальный разведывательный орган «Абвергруппа-215», который дислоцировался в Ростове-на-Дону. Здесь, на окраине, в тщательно охраняемом здании ремесленного училища располагался мощный радиоцентр.

Бекбатыров, по словам его бывших сообщников, должен был выходить на связь с радиоцентром во вторник, четверг и субботу. В эти дни с двадцати часов по московскому времени операторы в Ростове регулярно прослушивали эфир, ловя позывные шпионской рации. Для передачи донесений использовался довольно сложный цифровой код. Микропленку с ключом к нему нашли в подкладке ватника Бекбатырова. Впрочем, секрет кода в достаточной степени был еще раньше известен полковнику Грачеву. Но зато Акбулатов, выполнявший обязанности радиста, сообщил одну любопытную деталь. В конце каждого сеанса после передачи донесений он должен был отстучать на ключе две точки. Если бы операторы «Абвергруппы-215» приняли радиограмму без этого условного знака, то они сразу бы поняли, что радист вышел в эфир не по своей воле.

Прежде чем приступить к делу, полковник Грачев долго думал: можно ли довериться Акбулатову, насколько искренне его раскаяние?

Конечно, надежнее было бы привлечь своих радиоспециалистов. Но ведь почерк любого радиста имеет свои характерные особенности. А вдруг в Ростове догадаются, что на рации работает не Акбулатов? Тогда все пойдет насмарку. И полковник Грачев решил рискнуть.

В Уральске на тихой Дмитровской улице под старыми тополями доживают свой век бывшие купеческие особнячки. С подслеповатыми оконцами и высоченными, добротной кирпичной кладки заборами, они похожи друг на друга, как близнецы. На воротах висят кованые кольца. Обросшие ржавчиной, они молчат уже много лет. И никто, пожалуй, не скажет, когда в последний раз привязывали к ним за поводья горячих скакунов под высокими казачьими седлами, и кольца гулко стучали в ворота, будто вызывая на степной простор загостившихся всадников...

В одном из таких уединенных домов 14 октября впервые включил рацию Акбулатов. Над ним, с тревогой вглядываясь в мигающий зеленый огонек индикатора, склонился полковник Грачев. Чуть поодаль застыл в напряженном внимании Городецкий. Лишь ему из всех оперативных работников областного управления НКВД была доверена тайна. Надо было соблюдать особую конспирацию. Не только в городе, но даже ближайшие соседи не должны были видеть Грачева и Акбулатова. Из дома разрешалось выходить, и то лишь в ночную пору, одному Городецкому.

Через двадцать минут Акбулатов установил связь с радиоцентром. В эфир полетело короткое сообщение о том, что группа Бекбатырова благополучно приземлилась и готова передать первое донесение.

— Давай... — невольно переходя на шепот, сказал полковник Грачев и положил перед Акбулатовым заранее закодированный текст.

Инструкторы «абвера» не зря прошли обучение в разведывательной школе. Толстый, трусоватый Акбулатов оказался превосходным радистом. Он мигом передал текст донесения, не забыв отстучать две условные точки.

В этом первом донесении содержались сведения о движении эшелонов на узловой станции Урбах. В нем говорилось, что станция в основном забита пассажирскими поездами. В сторону фронта за два дня отправлено, мол, только два состава. Один с боеприпасами, а другой — с отремонтированными орудиями. Иными словами, это были якобы рядовые перевозки для войск, находящихся в глубокой обороне.

В ответ пришла радиограмма: «Желаем успеха».

— Спасибо, — сказал, усмехаясь, полковник Грачев. — Ну, теперь будем ждать. Авось клюнут...

Спустя сутки Городецкий принес шифровку, поступившую из Москвы. Как и предполагал полковник Грачев, Москва информировала его о том, что днем над станцией Урбах был замечен немецкий разведывательный самолет. Вероятно, летчик сфотографировал нескончаемую вереницу составов, которые по внешнему виду можно было принять и за обычные пассажирские поезда. А в ночной темноте без излишнего шума эти составы, до отказа груженные военной техникой, ушли на запад.

В четверг вечером Акбулатов снова сидел за рацией. Сначала из радиоцентра потребовали подробную информацию о том, в каких условиях работает группа, где установлен передатчик, надежное ли это место. Затем поступило задание: «Срочно разведайте обстановку в степных районах, примыкающих к Волге. Особое внимание обратите на воинские части и грузы, идущие к фронту».

Полковнику Грачеву пришлось немало поломать голову, составляя ответное донесение. Оно не должно было вызвать ни малейшего подозрения. А для этого необходимо было проконсультироваться с Москвой, подключить к завязавшейся игре не только центральный аппарат контрразведки, но и высшее командование.

Всю ночь напролет бегал Городецкий из дома по Дмитровской улице до пункта связи, доставляя шифровки. К утру донесение было готово.

Если бы воздушная разведка гитлеровцев взялась проверить сведения своей шпионской группы, то она убедилась бы в их абсолютной достоверности. В Заволжье шла обычная жизнь фронтового тыла. Дымились походные кухни, небольшие транспорты везли к

складам продовольствие и снаряды, редкой цепочкой тянулись к переправам подразделения пехоты, пополнявшие ряды защитников Волжской твердыни.

«Крупных передвижений войск не замечено», — выстукивал на ключе Акбулатов.

А в это время с наступлением темноты подымалась вся степь. По раскисшим осенним дорогам маршировали десятки дивизий. Мчались гвардейские минометы, пряча под чехлами серебристые сигары грозных ракет. Тысячи автомашин везли боеприпасы. В колоннах ревели моторы танков, на полевых аэродромах одна за другой садились эскадрильи штурмовиков и бомбардировщиков. Но с рассветом все это пряталось в укромных местах, растекалось по степным балкам, скрывалось в камышовых зарослях, исчезало под пятнистыми маскировочными сетями.

«Красная Армия готовится к длительной обороне. Она несет огромные потери. Госпитали переполнены ранеными», — доносил между тем Акбулатов под диктовку полковника Грачева.

Судя по тем благодарностям, которые поступали из радиоцентра, в «Абвергруппе-215» были весьма довольны расторопностью своих агентов. Им сулили по возвращении золотые горы и заранее поздравляли с присвоением офицерских званий.

Так продолжалось вплоть до 10 ноября. В этот день из радиоцентра попросили передать координаты места, наиболее пригодного для приема группы парашютистов-диверсантов.

Полковник Грачев, прочитав радиограмму, протянул ее Городецкому. Они долго сидели над картой, пока наконец сошлись во мнении, что десант лучше всего можно принять в районе Камыш-Самарских озер. Через несколько часов сюда были двинуты поднятые по тревоге истребительные отряды, батальоны внутренних войск НКВД, кавалерийские эскадроны милиции.

«К приему десанта готовы, — радировал спустя два дня Акбулатов. — Сообщите дату вылета самолетов. В пункте приземления будут разложены костры».

Но радиоцентр молчал. Молчал глухо, настороженно, обидчиво. И напрасно шарил по шкале Акбулатов, чутко прислушиваясь к эфиру. Его позывные так и остались без ответа.

— Кончилась наша игра, начальник, — сказал со вздохом Акбулатов, снимая наушники.

Полковник Грачев молча улыбнулся. Он-то знал, что теперь только все и начиналось!

5

Сосны в городском парке, роняя иглы, гудели под осенним ветром. Подгоняемый сквозняками, терпкий смоляной запах плыл по ночным улицам Цоссена. Он проникал даже в бетонные казематы и будоражил сердца младших чинов генерального штаба вермахта.

Щеголеватые адъютанты, анемичные радиотелеграфисты, очкастые шифровальщики, похожие на молодых подающих надежды ученых, — все они в эти ночные часы дежурств сбивались стайками в приемных и переговаривались вполголоса, мечтая о веселых берлинских заведениях на Курфюрстендамм.

В кабинете начальника отдела «Иностранные армии Востока» мягкий свет настольной лампы под зеленым абажуром падал на стопку бумаг, придавленную бронзовой фигуркой Будды. Эта восточная вещица привлекла в антикварном магазине внимание Рейнгарда Гелена своей выразительностью. Безвестный скульптор запечатлел в продолговатых чертах лица Будды неземное спокойствие. Оно словно хранило потустороннюю тайну, недоступную пониманию простых смертных.

В позднюю ночную пору, отдаваясь безудержному потоку мыслей, Гелен любил разглядывать бронзовую фигурку. В остальное время Будда верно служил в качестве пресс-папье.

Гелен все больше входил во вкус разведывательной работы. Она отвечала аналитическому складу его ума, позволяла строить бесчисленное множество хитроумных комбинаций и, конечно, открывала захватывающие перспективы в смысле дальнейшей карьеры. Познакомившись с порядками, царившими в «штабе Валли», Гелен быстро докопался до сути некоторых перебоев в деятельности этого важнейшего секретного аппарата «абвера». Оказывается, он испытывал острую нужду в кадрах квалифицированной агентуры, способной маломальски сносно работать за линией Восточного фронта. Маститые разведчики, те, кто сумели взорвать изнутри

Францию и Норвегию, всячески отнекивались, когда заходила речь об их переброске в Советский Союз. Гелен не считал возможным прибегать в этих случаях к требованиям дисциплины. Он понимал, что ценность агента падает наполовину, если он идет на задание, подгоняемый лишь одним страхом перед своим хозяином. Надо было срочно искать выход. И Гелен лично занялся «прочесыванием» лагерей военнопленных.

В одном из лагерей под Перемышлем Гелен вместе со своими помощниками пропустил несколько сот человек, выискивая среди них подходящих лиц для вербовки. Перед отъездом майор Вихт сфотографировал Гелена в кругу офицеров на фоне толпы измученных, истощенных людей.

Потом, весной 1945 года, лихорадочно уничтожая перед бегством к американцам компрометирующие документы, Гелен так и не найдет эту фотографию. Ее опубликуют только в шестидесятых годах, когда правительство Германской Демократической Республики представит на суд мировой общественности неопровержимые доказательства кровавых злодеяний военного преступника, бывшего гитлеровского генерал-лейтенанта Рейнгарда Гелена. И президент «Бундеснахрихтендинст» — западногерманской шпионско-диверсионной службы — в своей штаб-квартире будет метать громы и молнии на голову злополучного Вихта, проклиная его былую страсть к фотографированию.

Но в ту далекую осеннюю ночь Гелена волновали совсем иные мысли. Перед ним лежала сводка с разведывательными данными. Убористые строчки машинописного текста впитали в себя и тщательно профильтрованные донесения агентуры, и результаты воздушных наблюдений, и крупицы сведений, вырванных под пытками у пленных. Из этой дьявольской стряпни Гелен готовил тезисы очередного доклада о положении — «Ситуационберихте». Ему доставляло огромное удовольствие сталкивать в уме отдельные факты и в лаконичных фразах своего доклада рисовать дымную панораму войны. Он чувствовал себя предводителем невидимой армии рыцарей плаща и кинжала. Ему казалось, что он сопричастен к таинственным могучим силам, повелевающим судьбой мира. Недаром «Ситуационберихте» попадали в первую очередь к самому фюреру. Затем с геленовскими докла-

дами знакомилась военная верхушка рейха, и на их основе уточнялись планы боевых действий.

Перелистывая сводку, Гелен прежде всего отчеркнул красным карандашом все, что касалось обстановки на участках шестой армии Паулюса. Он помнил о разговоре, который состоялся три дня назад в ставке фюрера. Во время личного доклада, когда Гелен говорил о диверсионных действиях в районе Ладожского озера, Гитлер раздраженно прервал его:

— Меня интересует Волга. Только Волга. Потрудитесь сообщить, что происходит в полосе группы армий «Б».

Гелен в душе возблагодарил свою счастливую звезду. Ведь он еще летом позаботился о том, чтобы развернуть агентурную сеть в Заволжье. Правда, здесь не обошлось без провалов. Но зато в последние дни от «Абверггруппы-215» регулярно поступали весьма ценные сведения. Он еще раз внимательно перечитал подчеркнутые строки...

И тут мы вынуждены на минуту оставить Гелена, чтобы разобраться в одном поразительном факте. Во время минувшей войны основные силы мощного аппарата гитлеровской разведки были брошены против Советского Союза. Зубры нацистского шпионажа предпринимали, кажется, все возможное, стараясь обеспечить командование вермахта самыми достоверными сведениями о Советской Армии, о военно-экономическом потенциале нашей страны. Чекистам приходилось вести героическую борьбу с вражеской агентурой, и теперь достоверно известно, что гитлеровской разведке так и не удалось осуществить в советском тылу сколько-нибудь значительной шпионской или диверсионно-террористической акции.

Поединки незримого фронта приобрели особую остроту в период великой битвы на Волге. Конечно, было бы слишком смело утверждать, что оперативные меры, предпринятые полковником Грачевым, сыграли главную роль в обеспечении секретности операции «Уран». Это был всего лишь один из эпизодов в той необычайно искусной борьбе, которую вела советская контрразведка, стремясь запутать и сбить с толку нацистов. Но столь же вероятно и другое. Возможно, что данные, переданные по рации из Уральска, в какой-то степени просочи-

лись через проверочные органы фашистской разведки и повлияли на ход мыслей Гелена. Ведь не случайно в своем «Ситуационберихте» от 28 октября 1942 года он писал, что в полосе группы армий «Б» на волжском направлении «...противник не намеревается в ближайшем будущем предпринимать крупные наступательные операции...» [1].

Только через несколько дней, буквально накануне советского контрнаступления, в «Ситуационберихте» от 12 ноября зазвучали первые тревожные нотки. Видимо, у Гелена накопились на столе самые противоречивые сведения. Так, разведотделы войсковых частей вермахта, возможно, доносили, что на Волге и Дону возросло число переправ, а воздушная разведка вполне могла зафиксировать в ранние утренние часы усиленное движение к переправам пехоты и танковых колонн. Но Гелен, вероятно, по-прежнему не хотел расстаться с мыслью о том, что Советская Армия обескровлена и у нее, мол, не хватит духу для большого наступления. И взвешивая каждое слово, выбирая наиболее осторожные выражения, он писал:

«...Пока еще не вполне выяснилась общая картина группировки сил противника по месту, времени и масштабам. Недостаточно четко выявились возможности наступления в ближайшее время. При этой неясной картине определить общие оперативные замыслы противника в настоящее время невозможно... Для развертывания широких операций противник, по-видимому, не располагает достаточным количеством сил».

Запоздалые и все еще весьма далекие от истины догадки Гелена уже ничего не могли изменить...

Утром 19 ноября под залпы многих тысяч орудий и минометов началась историческая операция «Уран».

Для Гелена, да и не только для него, наступили черные дни. Был траур, и радио с утра до вечера разносило над оцепеневшим рейхом печальные мелодии Вагнера. Было расследование причин катастрофы с Паулюсом, и начальник отдела «Иностранные армии Востока» с трепетом ждал вызова на допрос в главное управление имперской безопасности.

---

[1] Подлинный текст.

Но о Гелене тогда как-то позабыли. Никто не потребовал от него объяснений, никто не припомнил ему строки из «Ситуационберихте», которые ввели в заблуждение всю гитлеровскую камарилью и в определенной мере способствовали разгрому отборных частей вермахта на волжских берегах.

6

В Верхней Баварии есть небольшой курортный городок Берг. Здесь вокруг дома № 68 круглые сутки бродят переодетые в штатское охранники. По утрам возле дома останавливается автомашина, регистрационные номера которой меняются каждые два дня. К машине торопливо идет невысокий сутулый человек. Он всегда появляется на улице в пальто или в плаще с поднятым воротником, в низко надвинутой шляпе и в темных защитных очках. Шофер знакомой дорогой гонит машину в Мюнхен, в предместье Пуллах, где размещается центральное управление секретной разведывательной службы Западной Германии. Но и здесь редко кто видит открытое лицо человека в темных очках. Даже в кругу своих приближенных он никогда не выступает под своим настоящим именем, а маскируется псевдонимом «доктор» или просто номером «30». Сверхстрожайшая конспирация — вот чего требует от всех сотрудников «доктор». Он то и дело приказывает менять клички и линии связи, консервировать и вновь оживлять резидентуры, проверять и перепроверять агентов. Особенно пристально «доктор» следит за работой отдела «50-К», который ведает шпионажем против Советского Союза. Нет, Рейнгард Гелен не забыл урока, преподанного ему в 1942 году.

Вечерами в тиши своего домашнего кабинета он нередко возвращается мыслями к прошлому. С горных альпийских склонов, поросших вековыми соснами, тянет запахом хвои. На столе стоит неизменная фигурка Будды. Все, как тогда, в Цоссене... И он с тревогой, с душевным страхом думает о том, что принесет ему грядущий день, какие еще ждут его впереди неприятные сюрпризы?

А бронзовый Будда, немой свидетель его удач и поражений, хранит на лице печать отрешенности и незем-

ного спокойствия. Она все чаще теперь начинает раздражать Рейнгарда Гелена, эта лукавая восточная безделушка...

7

За тысячи километров от берегов Рейна и Баварских Альп, в чудесном зеленом городе Уральске живет человек, которого тоже беспокоят порой воспоминания о былом. Это Иван Афанасьевич Городецкий. Он давно уже на пенсии и теперь увлекается садоводством да рыбалкой.

Иногда его можно встретить вместе с высоким черноусым богатырем. И хотя у этого богатыря растет трое сыновей, он по-прежнему почтительно зовет Городецкого «дядя Иван».

Сакен работает зоотехником в одном из совхозов. Приезжая в Уральск, он всякий раз навещает Городецкого, и они идут на тополевую Дмитровскую улицу, замедляя шаг возле старинного особнячка за крепким забором.

Время снимает запреты, и Городецкий давно уже поведал Сакену о событиях, происходивших почти четверть века назад. Он рассказал и о том, что гитлеровская разведка незадолго до краха фашистского рейха все же попыталась осуществить свой замысел с выброской в Западном Казахстане диверсионного десанта. В мае 1944 года на территории Гурьевской области чекистами была ликвидирована группа парашютистов-диверсантов.

В подслеповатых оконцах особнячка за тюлевыми занавесками пламенеет герань. Молчат вдавленные в ворота литые кольца. А Ивану Афанасьевичу, когда он проходит по Дмитровской улице, кажется, что он слышит частую дробь морзянки и отдаленный гул артиллерийской канонады. И перед его мысленным взором встает лицо Рахимбека, спокойное, смуглое лицо, лишь слегка побеленное смертью.

Городецкий внимательно прочитал все, что написано о великой битве на Волге. Он не склонен преувеличивать значение той чекистской операции, в которой ему довелось участвовать, понимая, что это была лишь одна из тысяч схваток советской контрразведки с тайными силами гитлеризма.

Но у Ивана Афанасьевича теплеет на сердце, когда он думает о том, что в победных залпах на Волге прозвучал и выстрел Рахимбека Байжанова. Его последний меткий выстрел из нехитрого охотничьего ружья...